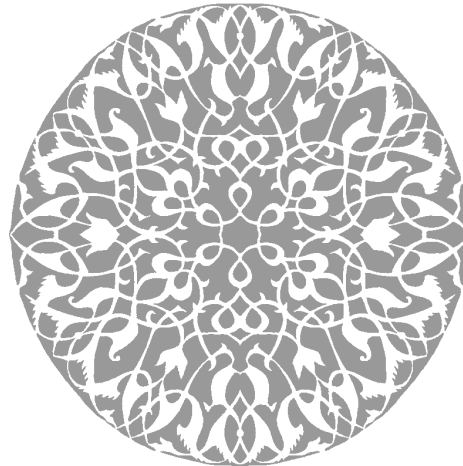

А.Н. Куприянов

АРАБЕСКИ БОТАНИКИ

Мастерская АЗ
Кемерово
2003

ББК 28.5г
К92

Куприянов А.Н.

К 92 Арабески ботаники.

Художники: О. Помыткина, А. Гребенюк, Л. Лысенко.
– Кемерово: Мастерская АЗ, 2003. – 256 с., ил.

Известный сибирский учёный–исследователь взял на себя труд впервые описать переплетение судеб известных людей, так или иначе имеющих отношение к исследованию в XVIII–XIX веках растительного мира на просторах Сибири. В увлекательной форме автор раскрывает перед читателем события жизни великих учёных, выдающихся государственных деятелей и промышленников, их характерные достоинства и недостатки, посвящает в нюансы, порой очень непростых, взаимоотношений. Здесь представлены люди разных профессий, социальных уровней и материального достатка, которых объединяет между собой бесконечная любовь к растениям, которые они изучают, не жалея времени, сил и средств. Книга богато иллюстрирована оригинальными рисунками с изображением персонажей, растений и видов природы, а также картами путешествий.

Для книголюбов и всех интересующихся историей развития академической науки, особенно в части ботанических исследований Сибири.

© А.Н. Куприянов. Текст, 2003.

© Мастерская Аз.

Макет, рисунки, 2003

© ФГУИПП “Кузбасс”, 2003

ISBN 5-85905-258-8

Эта книга посвящена основоположникам ботаники, которая в России зародилась в начале XVIII столетия. Со времени создания Петром I Петербургской Академии наук стали организовываться экспедиции с целью изучения природных условий дальних районов России, главным образом Сибири и Дальнего Востока. Одной из основных задач этих экспедиций было изыскание растений, представляющих интерес для интродукции. Выбранные растения живыми или их семена отсылались в ботанические сады России. Участниками первых экспедиций были такие выдающиеся ботаники как И.–Г. Гмелин, Г.–В. Стеллер, С.П. Крашенинников и некоторые другие. Они проявляли интерес не только к декоративным растениям, но и всему разнообразию растений, описывали их и зарисовывали.

Что же мы знаем о первых исследователях растительного мира России, которые заложили основы ботаники, преодолевая часто многочисленные трудности, нередко связанные с опасностью для жизни, и которые заслуживают глубокой благодарности последующих поколений ботаников?

Настоящая книга впервые знакомит читателей с первоходцами в изучении растительного мира России, детально описаны их путешествия, результаты их деятельности.

«Арабески ботаники» основаны на достоверном фактическом материале, но не ограничиваются сухим перечислением фактов. Автором обстоятельно проанализированы закономерные связи в деятельности многочисленных исследователей, что наглядно характеризует первый этап развития ботаники в нашей стране.

Книга представляет большой интерес как для ботаников, так и для всех интересующихся историей развития естественных наук в России.

*Заслуженный деятель науки РФ,
доктор биологических наук, профессор
А.В. Положий*

*Patres botanici vivunt,
opera eorum immortalia sunt.
Отцы ботаники не забыты,
труды их бессмертны*

ВВЕДЕНИЕ

Несколько лет назад мне посчастливилось приобрести замечательную книгу «Цветочный календарь в письмах», принадлежавшую перу мадам де-Шастанэ. Первоначальное издание датировалось 1802 годом. Мой экземпляр был уже, возможно, десятым переизданием этой замечательной книги в 1899 году в Санкт-Петербурге. Меня поразили слова редактора этой книги. Он писал: *«Почти целое столетие отделяет нас от появления "Календаря флоры" на французском языке, и, конечно, это столетие отразилось на развитии ботаники, но прелестные страницы труда госпожи Шастанэ не пострадали от него, как не изменилось за это же время и чарующее царство флоры»*. Чудесные описания растений в этой книге завораживают поэтической романтичностью и ботанической точностью. Я попытался сравнить даты создания этого «ботанического» романа в письмах, и оказалось, что он написан всего лишь спустя полвека после великих нововведений, сделанных в ботанике Карлом Линнеем; с того времени, когда ботаника из груды ботанических описаний внешности растений превратилась в строгую науку. И уже тогда мне захотелось написать популярную книгу, но не о растениях, а о тех, кто их изучает, — о ботаниках.

Ботаника — особая наука. Основа её знаний — гербарий. Линней в 1751 году в своей книге «Философия ботаники» писал: *«Гербарий превъше любого изображения и необходим любому ботанику»*. На земном шаре только цветковых растений около 250 тысяч. Название каждого из них обязательно связано с

конкретным гербарным листом, который является типом. Случись потерять тип — растение останется без названия.

Чтобы собрать растения, сотни ботаников отправлялись в далёкие и порой опасные путешествия. Их влекла не нажива, не слава, но надежда найти такое растение, которое ещё не известно науке, составить о нем первое описание и дать ему подходящее название. Каждый гербарный лист не только носитель морфологической, экологической, географической информации — на каждом гербарном листе остается память о коллекторе, о монографе, о каждом ботанике, кто счёл необходимым выразить своё отношение к данному экземпляру. В ботанике, как ни в какой науке, очень важна преемственность знаний, которая должна передаваться от учителя к ученику, поскольку абсолютно точных словесных портретов растения не существует. И эта преемственность наблюдается с тех пор, как появились первые ботаники, и существует по сей день.

Сибирь, занимая около 10 млн км², долго оставалась ботаническим эльдорадо. Только в середине XVIII века, спустя полтора столетия после завоевания Сибири Ермаком, учёные ботаники обнаружили, что рядом находится огромная неизученная территория с неизвестными растениями. Ботаническое изучение Сибири совпало с двумя важнейшими событиями. 24 декабря 1725 года была открыта учреждённая Петром I Петербургская академия наук. Другое событие — деятельное освоение Сибири. Первая и особенно вторая Камчатские экспедиции — одни из самых значимых событий XVIII века. Успех этих предприятий обеспечили первые российские академики Иоганн-Георг Гмелин, Степан Петрович Крашенинников, Георг-Вильгельм Стеллер. Растения, привезённые ими из Сибири, вызывали восхищали европейских ботаников и садоводов.

В известном Комарово, в деревне писателей и учёных под Санкт-Петербургом, я обратил внимание на каменистую горку, которая украшала берег Балтийского моря. На ней красовался бадан, наше обычное сибирское растение, там же, на

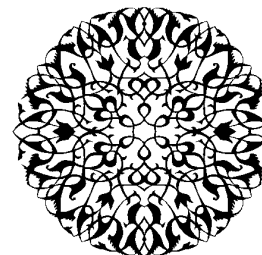
клумбе, росли сибирские жарки. Сибирь, сама того не замечая, значительно обогатила мировой ассортимент культурных растений, и нам следует всегда помнить имена тех, кто совершил научный подвиг, открывая ботанические сокровища Сибири. В этой книге была сделана попытка отобразить только малую толику ботанических судеб наиболее значимых для ботаники учёных, связанных с Сибирью.

Название для этой книги появилось не совсем случайно. Вообще «арабесками» называют единый причудливый орнамент, который составлен из многочисленных нитей, сливающихся в бесконечный, замысловатый узор. Владимир Даль вкладывает следующее содержание в смысл этого слова: «*лепное или писаное украшение, поясом, каймою из ломаных и кривых узорчатых черт, цветов, листьев и животных*». Первым это слово в названии книги употребил Николай Васильевич Гоголь. Его «Арабески» вышли в свет в 1835 году и были необычайно популярны. В дальнейшем эта форма широко использовалась в русской литературе XIX века. Наконец, широко известны «Арабески истории», в которой отображён исторический мир увлечений Льва Гумилева путём соединения разнородных материалов, пронизанных идеей исторического развития народов Востока. Ему же принадлежит стихотворный образ, навеянный думами о причинах многочисленных исторических событий: «*Нас всех прядёт судьбы веретено в один узор...*». Исходя из этого, мной была сделана попытка соединить ниточки судеб великих ботаников в единый непрерывающийся узор. Отдельные части книги были названы не главами, а кругами, обозначая законченность и цельность бесконечно развивающейся ботаники.

Эта книга рассчитана на тех, кто хочет знать историю ботанических путешествий и открытий в Сибири, кто увлекается великой и вечной наукой — ботаникой.

Написание книги было связано с работой в краеведческих музеях Барнаула и Красноярска. Я бесконечно благодарен музейным сотрудникам за бескорыстную помощь материалами, книгами, фотографиями, хранящимися в фондах музеев.

КРУГ ПЕРВЫЙ

ГМЕЛИН ЛИННЕЙ ЛОМОНОСОВ

— Сегодня у нас знаменательный день — мы отмечаем два события, — старый Иоганн поправил профессорскую шапочку, которой он чрезвычайно гордился, — день рождения сына нашего Иоганна и день окончания им университета.

Никогда ещё не было такого события в древнем Тюбегене, чтобы из стен почитаемого во всей Европе университета вышел столь молодой человек. В 1725 году ему исполнилось всего 16 лет. Большинство его товарищей по студенческой скамье давно уже обзавелись не только бородами, но и многочисленными подружками, а у молодого Иоганна только-только пробивались усы, и он стыдливо краснел, когда лукавые служанки бросали на него откровенные взгляды. Старый Иоганн-Георг очень гордился сыном. Сам он был первым в династии, ставшим профессором химии, а уж Иоганн точно станет великим учёным. И для этого были все

основания. Великолепная память позволяла Иоганну запоминать всё, что говорили его учителя.

Этому способствовало и то, что физику ему преподавал Георг-Бернхард Бюльфингер (1693–1750), отличавшийся великолепной риторикой и непогрешимой логикой. По воспоминаниям профессора Клопфеля, он был одним из замечательнейших последователей великого Лейбница. Преподавание его было блестящим. Его лекции благодаря простоте изложения и природному дару видеть в каждом предмете практическую сторону встречали огромный отклик слушателей.

Другой его учитель — ботаник и физиолог Иоганн-Георг Дювернуа (1691–1789) — отличался ясным и твердым взглядом на единство природы, что не очень нравилось богословам и не способствовало его карьере. Но студиясы получали полное представление о строении живого организма, будь то растение или животное. К сожалению, учителя Иоганна Гмелина не присутствовали на торжественном семейном обеде по случаю окончания университета. Дювернуа и Бюльфингер по протекции графа Головина были приглашены в только что народившуюся Петербургскую Академию наук и стали одними из первых русских академиков.

Впрочем, семейное торжество омрачалось ещё и тем, что места в родном университете для Иоганна не было. Германия едва-едва восстанавливалась после многочисленных и разорительных войн. По совету Бюльфингера ещё совсем молодой Иоганн Гмелин летом 1727 года должен был отправиться в далёкую Россию.

По какой-то небесной случайности именно летом 1727 в глухом уголке северной Швеции ректор гимназии Крон писал характеристику на выпускника своего заведения Карла Линнея (1707–1778). Он был явно недоволен своим учеником: *«Юношество в школах можно уподобить молодым деревьям в питомниках. Изредка случается, что дикая природа дерева, несмотря ни на какие заботы, не поддаётся культуре. Но пересаженное на другую почву, дерево благоораживается и прино-*

сит плоды. Только с этой надеждой юноша отпускается в университет, где он, может быть, попадёт в климат, благоприятный для его развития».

Недоросль явно не был похож на своих сверстников. Ему не давалась латынь, а без неё невозможен путь в науку. И всё же после окончания гимназии, в 20-летнем возрасте, Линней поступает в университет в небольшом городке Лунд.

В том же году старший Гмелин пишет письмо президенту Петербургской Академии наук Лаврентию Лаврентьевичу Блюментросту (1692–1755), а в качестве подарка вместе с письмом посылает для Кунсткамеры различные окаменелости. *«Сюда, в Петербург, отправляются два молодых человека, из которых один мой сын, а другой — Христиан Готтлиб Швенгер, родом из Дитфурта в Паппенгейме. Я покорнейше рекомендую их обоим Вашему Превосходительству. Что касается до первого, то я так же почтительно приношу Вам благодарность за показанную Вами, по рекомендации господина Бюльфингера, благосклонность к нему и желаю, чтоб Ваше Превосходительство нашло его достойным...»*

С этим письмом и кучей окаменелостей для Академии 30 августа 1727 года Гмелин младший прибыл в Санкт-Петербург. Он приехал за свой счёт, не просил жалованья. Его намерением было служить определяющимся, пока не откроется какая-нибудь вакансия, к чему он мог бы себя употребить. Пока решался вопрос об его утверждении профессором, он получал на расходы по 10 рублей в месяц.

Год этот был знаменателен для Петербургской Академии и другими событиями. За два месяца до Гмелина в Санкт-Петербург по рекомендации Даниила Бернулли, которому самому было 25 лет, прибыл 19-летний Леонард Эйлер (1707–1783). В том же году в Академию прибыл недоучившийся студент Герард-Фридрих Миллер (1705–1783), которому исполнилось 22 года. Впоследствии он станет старшим товарищем Гмелину в многотрудном путешествии по Сибири. Ещё до приезда Гмелина, по предложению пре-

зидента Академии Блюментроста, 27 июля Эйлер, Гмелин, Крафт и Миллер были рекомендованы на профессорские должности. Случай беспрецедентный для науки всех времен. Старшему Крафту исполнилось 26 лет.

Три года Гмелин посвятил Кунсткамере и кабинету натуральной истории. В них уже был накоплен огромный фактический материал, который по указу Петра I поступал туда со всего света. Работа была кропотливой и долгой. Гмелин составил каталог минералов, а затем вместе с академиком Амманом приступил к составлению каталога древних окаменелостей, но не окончил: каталог завершил в 1741 году Михайло Ломоносов (1711–1765).

Гмелин приехал в Россию не в лучшие времена. Россия Петра кончилась 28 января 1725 года смертью Императора. Ещё некоторое время сила инерции, память его соратников и воля вдовы Императора Екатерины I совершали необходимые действия, направленные на собирательство и строительство государства Российского. Но 6 мая 1727 года не стало и Екатерины. Наступила черная полоса царствования Анны Иоанновны.

Петровское детище – Академия – стало ненужным инструментом общества, однако ещё жила, поскольку академики не вмешивались в политику, а их постоянные споры между собой, переходящие нередко в потасовки, веселили властных вельмож. Сумма в 20 тысяч рублей не очень уж обременяла бюджет. Ну и, кроме всего прочего, приглашали не чопорных англичан, не суетливых итальянцев, а всё ж своих, с точки зрения Бирона, – немцев.

Академия, не имея прямого указа, запрещавшего её деятельность, существовала волею Петра. Исполняя его волю, капитан Витус Беринг вместе с лейтенантами Алексеем Чirikовым и Мартыном Шпанбергом, в феврале 1725 отправились в 1-ю Камчатскую экспедицию. В краткой инструкции, написанной лично Берингу Петром I, сказано: «*1. Надлежит на Камчатке или в другом там месте сделать один или два*

Иоганн-Георг Гмелин (1709–1755)

бота с палубами. 2. На оных ботах возле земли, которая идет на Норд и по чаянию (понеже оной конца не знают) кажется, что та земля часть Америки. 3. И для того искать, где она сошлась с Америкой: и чтоб доехать до какого города Европейских владений или ежели увидят какой корабль европейский, проведать у него, как оной койст называют и взять на письме и самим побывать на берегу и подлинную ведомость и, поставя на карту, приезжать сюда». Беринг путешествовал до 1730 года, но благодаря его письмам в Академию, сведения об огромной территории Сибири и Камчатки доходили до Академии и активно обсуждались. Одно это воодушевляло многих исследователей и помогалось переносить тяжести жизни в России. Академик Жозеф–Николай Делиль (1688–1768) 9 января 1729 года писал Блюментросту о необходимости дальнейшего изучения восточных районов России и о значении первого путешествия Витуса Беринга.

В январе 1732 года Гмелина избирают членом Петербургской Академии в звании профессора химии и натуральной истории.

К этому времени К. Линней прочитал свою первую лекцию в Упсальском университете. На его лекции, по свидетельству самого Линнея, собиралось до 400 студентов, тогда как на лекции настоящего профессора — не более 80. В честь своего первого наставника по ботанике Рудбека он назвал растение *Rudbeckia*. В послании учителю он писал: «Она должна сделать имя твоё бессмертным и гласить о нём перед царями и князьями, перед ботаниками и врачами»*. По совету Рудбека в начале 1732 года Линней обратился к Упсальскому научному обществу с проектом путешествия в Лапландию. Согласно проекту, он должен был одолеть 1500 миль, а затраты должны составить всего 400 талеров. 12

*

Только у ботаников есть право увековечивать своих великих представителей в названиях растений.

мая 1732 года он отправился из Лунда в беспрецедентное одиночное путешествие. По словам самого Линнея, из всей одежды у него были короткий кафтан с воротником из тюленьей кожи, кожаные штаны, парик с косичкой, прочная зеленая шапка и высокие сапоги; из оборудования — мешок из дублёной кожи, на одной стороне которого была связка книг, на другой — одна рубашка, две пары манжет, два ночных колпака, чернильница, ящичек для перьев, микроскоп, пачка бумаги для закладки гербария, сетка от комаров; из оружия — кинжал, охотничье ружьё и трость, на которой были вырезаны меры длины. Путешествие было очень трудным, но тем не менее 10 сентября Линней вернулся в Упсалу победителем. Он в одиночку совершил это путешествие. Ни обоза, ни тысяч гербарных листов, ни художников, ни конвоя. Всё — в дневниках и в голове. Он тщательно вёл свои наблюдения и делал описания неизвестных растений, страдая от холода и недоедания.

А в России в июне 1732 года Академия получает Указ «Ея императорского величества самодержицы», в котором предписывалось Академии послать с капитан–командором Берингом профессора и двух студентов для научных изысканий. Академия рассмотрела Указ Императрицы и быстро подготовили ответ. В пункте 6 записано: «...профессоры к сему потребны суть: Иван Георгий Гмелин, химии и истории натуральная профессор и Делиль де ля Кройер Людовик, астрономии профессор. Сих весьма способных быти и сему делу признаваем и не сумнимся, что исполнять по учинённому по их совету, ежели прочие кондиции, особливо до их персон надлежащие, такие с ними поставлены будут, которые бы бедства, труды и трудности, толикого пути наградили». Начался тяжёлый период подготовки к экспедиции. И в этот момент здесь происходит несколько непонятных вещей. Вместо Гмелина в дальнейшей переписке Академии и Сената участвует Миллер. Сам Миллер пишет об этом так: «Капитан–командор Беринг, с которым я был хорошо знаком, возбудил мне охоту к путешествию ещё тогда, когда к тому не

*Карл Линней (1707–1778) в возрасте 30 лет в лапландском платье
(рисунок с репродукции портрета Гофмана, 1737 г.)*

представлялось для меня ни какой возможности. Обер-секретарь Кирилов, которому Беринг передал о том, желал, чтоб я предложил себя в Академии вместо Гмелина. Там не встретилось этому никакого препятствия. 26 февраля 1733 года дело было письменно представлено сенату, а 23 марта оттуда получено было разрешение. Я был этому рад, потому что таким образом избавлялся от неурядицы в Академии и, удалённый от ненависти и вражды, мог наслаждаться покоем, завися только от самого себя».

Гмелин на это время тактично заболел. Должно быть, и его затрагивали «неурядицы», вызванные подлой политикой И.-Д. Шумахера (1690–1761), секретаря Академии. А возможно, друзьям хотелось попутешествовать вместе, поскольку в дальнейшем никаких трений между ними не случилось. Довольно лукавое признание об этом мы можем найти у Миллера, который в дневнике писал, что Гмелин вылечился, потребляя в большом количестве старое доброе рейнское вино...

По указу Сената за академиками сохранялись место и жалование, дополнительно выдавались «командировочные». Их частью получали из Канцелярии, а частью из Сибирской губернии. Для каждого академика полагался портной, столляр, рисовальщик, чучельщик. Так и вышло, что вместо одного профессора, как того требовал своенравный Беринг, образовалась Великая северная экспедиция, ставшая едва ли не главной экспедицией XVIII века.

8 августа 1733 года научный отряд в составе академиков И.-Г. Гмелина, Г.-Ф. Миллера, Л. де ля Кройера, шести студентов, в числе которых был будущий академик Степан Крашенинников, двух художников, двух охотников, двух минералогов и двенадцати солдат, выехал из Петербурга в неизвестную Сибирь. 3 марта следующего года не спеша они прибыли в Тобольск. Именно здесь были ими собраны первые новые растения и обнаружены не описанные наукой животные.

19 мая 1734 года академики направились вверх по Иртышу, 27 мая они были в Ишиме, 27 июня достигли Омска, за-

тем далее вверх по Иртышу, повторяя путь Ермака. Равнины Западной Сибири с безбрежными ковыльными степями сменились сначала небольшими увалами, а потом и горами. Достигнув станицы Усть-Каменогорской, академики отправились на Колыванские заводы. Затем — напрямик через невысокие горы — в Кузнецк, куда прибыли 17 сентября. Для молодых людей (Гмелину было в то время 24, а Миллеру 29 лет) дорога была в радость. Миллер в своём дневнике так описывает этот отрезок пути: *«Путешествие по р. Иртышу и после оного перед прочего в Сибири ездою самое приятнейшее было. В то время ещё в первом жару, ибо беспокойствия, недостачи и опасности утрудить нас ещё не могли. Мы заехали в такие страны, которые с натуры своими преимуществами многие другие весьма превосходят, и для нас почти всё, что мы видели новое было. Мы подлинно зашли в наполненный цветами ветроград, где по большей части растут неизвестные травы; в зверинец, где мы самых редких азиатских зверей в великом множестве перед собою видели; в кабинет древних языческих кладбищ и там хранящихся разных достопамятных монументов. Словом, мы находились в такой стране, где прежде нас никто не бывал, который бы об этих местах известие сообщить мог. А сей повод к произведению новых испытаний и изобретений в науке служил нам неинако как с крайней приятностью».*

Таким образом, можно судить, что первый год путешествия не принёс разочарования. Ботанические впечатления Гмелина от посещения южной Сибири были так велики и разнообразны, что целое столетие ботаники совершали паломничество по этому маршруту: Омск — Барнаул — Усть-Каменогорск — Колывань. Позднее во «Флоре Сибири» он писал с восхищением: *«Места меж Обью и Иртышом лежащая, и от Железинской крепости на восток и север простирающиеся, состоят из пространных степей, которая от живущих на оных барабинских татар, Барабинскими называются. Сии степи по большей части ровныя, от частых и больше рыбных озёр болотны, однакож во многих местах жирною землею покрыты, на которых хлеб свобод-*

но родиться мог, ежелиб живущим там татарам оной нужен был». Интересно, что сто лет спустя, в 1829 году, этот путь преодолел великий Александр Гумбольдт, но впечатления у него от Барабинских степей оказались совсем противоположные.

Гмелину принадлежит, наверно, первое описание местности, где впоследствии будет построен Барнаул. Вот как он сам пишет: *«29-го вечером, часа в три, мы снова отправились в путь в сопровождении 20 служивых, приданных нам заводом. Поскольку время года было такое, что можно было ожидать нападения казахских орд, то мы взяли с собой ещё и нашего семипалатинского капрала с 15 солдатами в качестве охраны, но лейтенанта и остальных лошадей, которых мы взяли частью из Усть-Каменогорска и частью из Семипалатинска и Ямышевой, мы отпустили. В тот вечер мы проехали не более 18 верст и остановились у небольшого ручейка.*

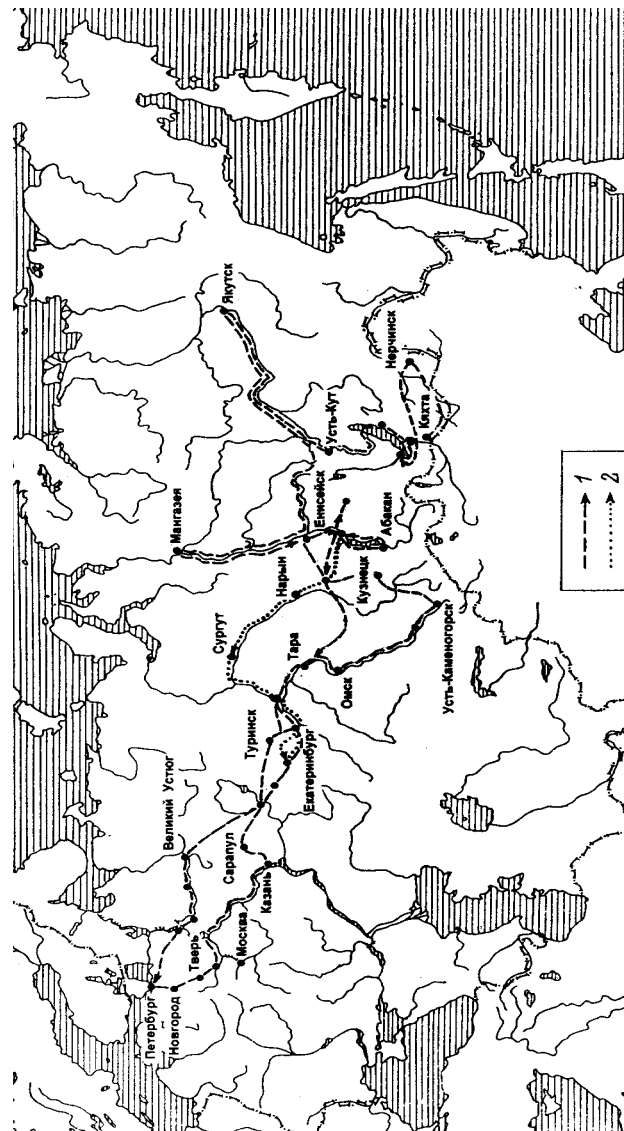
На следующий день в час пополудни мы доехали до речки Локтёвки. В двух верстах от того места, где мы стояли, эта речка впадает в Чарыш, где расположены четыре деревеньки, принадлежащие Акинфию Никитичу Демидову и основанные им ради работы завода. Когда мы этой ночью ехали, нас застал сильный дождь, а поскольку мы проехали уже 20 вёрст, лошади дальше не пошли. Нам пришлось остановиться в сухой степи, где не было ни корма для лошадей, ни сухих дров, ни другой воды, кроме той, что лилась с неба. 31-го утром мы подъехали к речке Алей. Мы нашли здесь уже готовых лошадей на подмену, которые были собраны в одной из вышеупомянутых демидовских деревень. Мы были счастливы, что не видели никаких признаков Казахской орды, так что мы уже не боялись и отпустили здесь семипалатинского капрала с подчинёнными ему 15 служивыми.

Первого сентября утром в 2 часа мы прибыли к небольшому озеру, проехав всю ночь под сильным дождем с грозой. После обеда в 2 часа доехали до речки Барнаул, у которой расположена небольшая демидовская деревня. Недалеко от Барнаула, от истоков и до устья, местность покрыта сосновым лесом, смешанным с березой, называемым Барнаулский бор. Мы остановились у Барнау-

ла до полуночи, а на следующий день в 9 часов доехали до речки Космала и до деревни того же названия.

За несколько вёрст до неё, там, где мы переправлялись через Космалу и ещё немного дальше, стояли несколько небольших деревень, каждая по несколько домов. От первой начинался сосновый лес с примесью березняка, он тянулся вплоть до деревни, где мы остановились, и ещё дальше на несколько вёрст. Я оговариваю это потому, что мы всё лето почти не видели леса. Пообедав, мы поехали дальше и к пяти часам вечера прибыли на р. Обь. Там мы переправились на большой барке, а на той стороне реки, у самого переезда, мы увидели снова демидовскую деревню, куда нас и отвёл начальник заводов, сопровождавший нас до этого места. Рассказывают, что река Обь и теперь ещё довольно широкая, перед ней составляет около 1000 сажен и глубина её не менее 4 сажен, а весной, когда все реки в этой местности разливаются, можно заезжать с большими судами даже и в деревню, где мы останавливались. Но на протяжении последних десяти лет западный берег, по-видимому, из-за нанесённого песка, стал выше, и река поэтому сузилась. Это одна из самых главных сибирских рек, она имеет свой исток в Монголии. Две реки, из которых она образуется, называются Бия и Катунь. Но реки эти называются Обью не ранее, как с того места, где они сливаются у Бийска или Бикатунской крепости. Начиная оттуда, эта местность населена, на реке много слобод. А сам Бийск – это приграничная крепость против калмыков, которые совершенно разрушили её лет 20 тому назад. Но потом она была восстановлена, и с тех пор нападений не было. Несколько вёрст ниже той деревни, где мы были, расположена слобода, называющаяся Усть-Чумышской, по реке Чумыш, которая там впадает в Обь».

Зима 1734–1735 гг. была суровой, и путешествие значительно усложнилось. 5 января 1735 года в Енисейске Гмелин зафиксировал самую низкую известную в то время науке температуру – 120 градусов ниже нуля по Фаренгейту. Очевидно, с его легкой руки Сибирь на три столетия стала страной холода для всей Европы.

Карта путешествий И.-Т. Гмелина и Г.-Ф. Миллера. 1733–1743 гг.
1 – путь Гмелина и Миллера; 2 – путь Миллера при возвращении

Десять долгих лет продолжалось путешествие Гмелина. Его маршрут можно представить по зимовкам: 1735 – Томск, Селенгинск; 1736 – Иркутск, Верхоленик; 1737 – Якутск; 1738 – Киренск, Иркутск; 1739 – Енисейск; 1740 – Красноярск; 1741 – Томск; 1742 – Тобольск, Туринск. Это беспрецедентное путешествие было настоящим научным подвигом. Несмотря на то, что часть материала погибла в пожаре в г. Якутске, что Гмелин так и не добрался до океана, собранные материалы были, очевидно, самыми объёмными по количеству и качеству.

Именно на сибирском тракте пересеклись дороги двух великих естествоиспытателей – Гмелина и ещё одного европейского вундеркинда – Стеллера. Они были одногодками, оба родились в 1709 году. Стеллер, пожалуй, был самый талантливый и ботаник, и зоолог, однако драматизм его судьбы заключался в том, что он чуть опоздал, и место во 2-й Камчатской экспедиции было уже занято. Тем не менее, именно Стеллер достиг Тихого океана и сделал там свои великие открытия. Вот только вернуться ему было не суждено: Стеллер безвременно скончался на пути в Москву. Но его история – это уже другая связь, и его судьба ниточкой вплетается в связь времён, не давая ей прерваться. Гмелин возвратится из Сибири в 1743 году будучи уже великим, и как позднее назовёт его Линней, «отцом ботаники».

В 1733 году К. Линней формирует программу всей своей жизни. Е.Г. Бобров приводит выдержку из письма Линнея, в котором он намечает написание книг, определивших развитие ботаники на последующие столетия. Среди них: «*Bibliotheca Botanica*», в которой пересмотрены все ботанические книги; «*Philosophia Botanica*» – в ней уже тогда были заложены все принципы новой ботаники; «*Harmonia Botanica*» – учение о стройности ботанических названий; «*Species Plantarum*», в которой предполагалось описать все известные растения с использованием бинарной номенклатуры. Всего в перечне 26-летнего Линнея было 13 тем, которые он разрабатывал всю свою жизнь.

В 1741 году К. Линней, уже признанный гений, высокоценный врач и ботаник, первый президент Шведской Академии, возвращается из Стокгольма в Упсалу. После смерти своего учителя Рудбека, он был избран профессором кафедры ботаники Упсальского университета. Он уже написал свой самый гениальный труд «Система природы» (1735). За предыдущие 10 лет он объехал всю Европу, рекламируя свои идеи. Его мысли о новых принципах систематики обогащены блистательным Германом Бургавом (1668–1738), первым признавший гениальность молодого шведа. В Голландии он ознакомился с огромными коллекциями живых растений, собранных бургомистром Амстердама Клиффортом (1685–1760). Во Франции – с гербарием, собранным Турнефором (1656–1708) в Малой Азии и великолепными коллекциями Трианонского ботанического сада Бернара Жусье (1699–1776) в Париже. В Англии он полемицировал с первыми британскими ботаниками Слоаном (1660–1753) и Диллениусом (1687–1747).

После длительного путешествия Гмелин вернулся в Академию, но оказалось, что его место профессора химии и минералогии уже занято. Его преемником стал Михайло Ломоносов. Новый академик не отличался изысканностью манер и, мягко говоря, недолюбливал большинство своих коллег по Академии, особенно немецкого происхождения. Ко времени приезда Гмелина из Великой Сибирской экспедиции яркий талант Ломоносова уже раскрылся и заблестал всеми гранями. За время отсутствия Гмелина он сделал химическую лабораторию, где проводил опыты и занятия. Уже одного этого дела достаточно, чтобы увидеть, что профессором химии он стал и по призванию, и по праву. Между старым и вновь назначенным профессором химии хорошие отношения установились довольно скоро. Гмелин, уступив кафедру химии, мог «отъехать в отечество» со спокойной душой за состояние дел, а Ломоносов ценил Гмелина как специалиста и труженика.

Очевидно, близость отношений с Ломоносовым позволили Гмелину в июле 1747 года обратиться к нему с просьбой о поручительстве, которое состояло в том, что, если он, Гмелин, выехав из России на год, не вернётся к указанному сроку, то Ломоносов вместе с Миллером должны будут выплатить Академии деньги, полученные Гмелином при отъезде в сумме 715 рублей. Дело в том, что ещё с 1744 года Гмелин хлопотал о своём увольнении из Академии наук, объясняя его причины плохим состоянием здоровья, подорванного в Сибирской экспедиции. хлопоты Гмелина об отставке были безуспешными. 27 января 1747 года истёк срок его контракта, и Гмелин был освобождён от должности профессора химии, ранее уже занятой Ломоносовым. Впрочем, 1 июля того же года Гмелин заключил новый контракт с Академией сроком на пять лет и опять был принят на службу профессором ботаники. В контракте оговаривалось право Гмелина на годичный отпуск, которым он тут же и воспользовался, выехав на время отпуска в свой родной город Тюбинген.

Ломоносов и Миллер в июле 1747 года подписали поручительство за Гмелина, и тот уехал в Германию (на год, как все полагали), взяв с собою материалы, собранные в экспедиции, чтобы продолжить работу над своим фундаментальным трудом «Флора Сибири, или История сибирских растений».

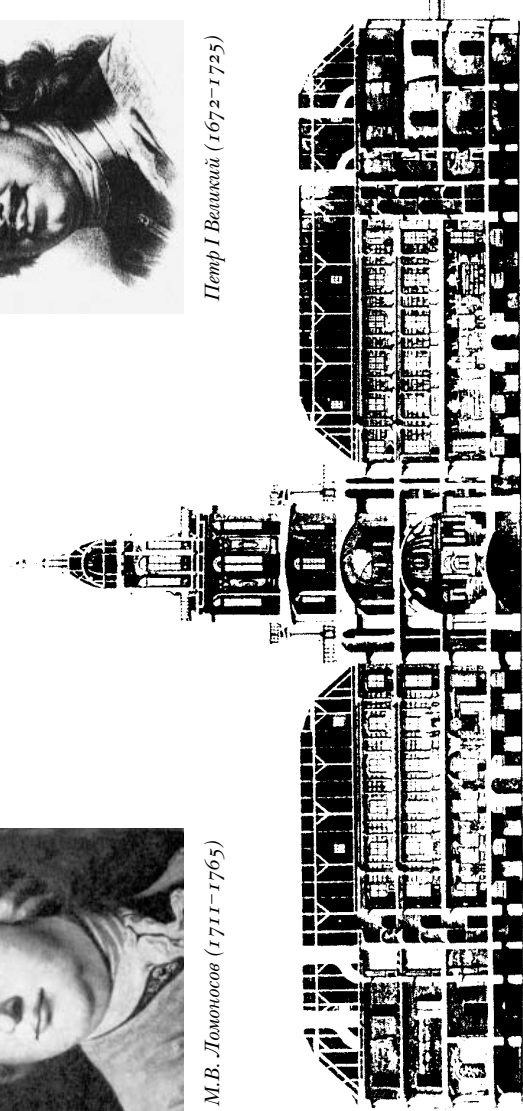
Поручители писали: «Мы, ниже подписавшиеся, сим ручаемся, что г. доктор Гмелин, по учинённому в Канцелярии Академии наук письменному обещанию, касающемуся до его возвращения и до учёных сочинений, во всё исполнять будет и обещаемся, если он против чаяния поступит или назад не возвратится после поданного ему срока, выданные ему деньги 215 рублей, да половинное жалование, которое впредь будет произведено будет по контракту за морем, 500 рублей, всего 715 рублей, заплатить и данные ему дела и рисунки поставить паки в Академию без всякого отлагательства, и чтоб оные нигде в свете не были изданы в печати, которым его, Гмелина, рисунком за его рукою прилагается фрестр».

М.В. Ломоносов (1711-1765)

Петр I Великий (1672-1725)

Кунсткаммера XVIII века. Гравюра Х. Вормана по рисунку Дж. Бона из кн. «Палаты Академии наук». 1741

Однако по истечении отпуска Гмелин в Россию не вернулся, а написал президенту К.Г. Разумовскому письмо, в котором сообщил, что остаётся в Германии и о том, что назначен на должность профессора ботаники Тюбингенского университета. С Ломоносова и Миллера начали удерживать половину их жалованья как с поручителей за Гмелина. К тому же Ломоносов задолжал Академии (так же, как и Миллер) сумму, которой поручился за Гмелина при его отъезде. Она составляла 315 рублей 83 копейки.

В этих обстоятельствах беспокойство Ломоносова вызвано было соображениями не столько материального (хотя это тоже надо иметь в виду), сколько морального порядка. Ломоносов, как уже говорилось, очень высоко ценил научную добросовестность Гмелина и уже по этой причине питал к нему чисто человеческую симпатию. Кроме того, нельзя забывать, что после отъезда академика Делиля Гмелин был, пожалуй, единственным крупным, по-настоящему авторитетным учёным в Академии. К тому же, нарушив новый контракт, Гмелин, хотел он того или нет, наносил моральный урон Академии, а тем самым — и России, как, впрочем, и себе самому. Ломоносов был ошеломлён как патриот, как учёный и просто как человек.

1 октября 1748 года он берётся за перо, чтобы высказать Гмелину всё, что он думает по поводу случившегося.

«Несмотря на то, что я на Вас должен быть сердит с самого начала, потому что Вы забыли мою немалую к Вам расположенность и не прислали за весь год ни одного письма ко мне, и это, наверное, потому, чтобы я в моём письме-ответе к Вам не смог бы напомнить Вам о Вашем возвращении в Россию, у меня всё же есть причина, которая меня не только заставляет, будучи на Вас в раздражении, писать Вам то, что обычно не пишут людям с чистой совестью. Я воистину не перестаю удивляться тому, как Вы без всякого стыда и совести нарушили Ваши обещания, контракт и клятву и забыли не только благорасположенность, которой Вы пользовались в России, но и, не заботясь о своих собственных инте-

ресах, чести и славе и ни в малейшей степени о себе, Вы пришли к мысли об отказе от возвращения в Россию. <...>

Все Ваши отговорки ничего не значат. В Германии человека не держат силой, если это не злодей. Ваши новые обязательства не имеют никакой силы, потому что они имели место после подписанного здесь договора, а Вы России обязаны в сто раз больше, чем Вашему отечеству. Что же касается болезней, то эти Ваши старье сибирские отговорки давненько всем известны... Ещё есть время, всё можно ещё смягчить, и Вы по прибытии будете работать по Вашему договору. Вам предлагается сейчас два пути: один — что Вы без промедления передуаете и вернётесь в Россию честно и, таким образом, избежите своего вечного позора, будете жить в достатке, приобретёте своими работами известность во всём мире и по истечении Вашего договора с честью и деньгами сможете по Вашему желанию вернуться в Ваше отечество.

В противном случае все те, кому ненавистны неблагодарность и неверность, покروют Вас ненавистью и вечными проклятиями. Вас всегда будет мучить совесть, Вы потеряете всю Вашу славу, которую Вы приобрели здесь у нас, и будете жить в конце концов в вечном страхе и бедности, которые будут окружать Вас со всех сторон. Из этих двух возможностей каждый выбрал бы первую, если он не потерял свой разум. Однако же, если Вы серьёзно решили не иметь ни стыда, ни совести и забыть благодеяния со стороны России, Ваше обещание, контракт, клятву и самого себя, то поспешайте прислать причитающиеся мне 357 рублей и все работы и зарисовки передать профессору Крафту, как только Академия прикажет ему получить их. Это, однако, должно произойти без всякого отлагательства, так как из-за Вас я вынужден жить в крайней нужде...

Ваш! очень обиженный друг и слуга Михаил Ломоносов».

Гмелин без промедления пишет ответ Ломоносову и возвращает деньги. Несмотря на резкий характер ломоносовского письма, Гмелин не изменил своего дружеского отношения к великому русскому учёному, ибо понимал, что того

беспокоили не только деньги, в коих Ломоносов всегда и сильно нуждался, но и престиж Академии, членом которой Гмелин состоял.

Почему Гмелин так стремился из России? Косвенные причины связаны с действительностью российской жизни. В глубинке каждый начальник — «и цари и бог». Он мог давать деньги для экспедиции, а мог и не давать, несмотря на царский указ. 19 сентября 1737 года Гмелин писал Корфу: *«Все общие проволочки сибирских канцелярий для нас тяжёлое обстоятельство в этом путешествии. Указы бывают только тогда грозны, когда из этого может быть извлечена выгода для начальника»*. Академик де ля Кройер пишет о своей поездке к устью Лены: *«...что касается до меня, то я обязан делать всё, что может содействовать науке и служить к выгоде воевод»*. Время текло медленно, а неустроенность быта и произвол воевод давили постоянно. Любая жалоба в Петербург и обратно путешествовала в лучшем случае полгода. Были и другие трудности. Татищев прислал Гмелину одного ссыльного, умеющего делать плавильные горшки, в которых нуждался Гмелин для плавки руд. Но ему не было отпущено никакого содержания, и платить приходилось Гмелину из своего кармана. Гмелин пишет в письме барону Корфу: *«...мы в страхе от всех ссыльных не ради их злоумышленности, а потому что у них укоренился обычай кричать при всяком случае «слово и дело». Если подобное случилось с кем-либо из наших спутников, то мы принуждены были его лишиться на некоторое время, отчего нашим делам могла быть великая помеха»*.

Суть этого заключалась в том, что и кричащего «слово и дело», и против кого воздвигнуто обвинение, должны быть отправлены в Москву для разбирательства, а на это уходило не менее года. Такой прецедент уже был — зимой в Якутске, когда перепившийся помощник живописца Беркана прокричал «слово и дело» против другого живописца. Это лишило экспедицию художников на два года. Да и не понимали, забитые нуждой, русские переселенцы проблем немецкого

высокомерного ботаника. Эта неприязнь к русскому народу у Гмелина осталась навсегда. В дальнейшем в предисловии к первому тому «Флоры Сибири» он добросовестно описал неприглядные стороны российской жизни. Вот уже 250 лет и российские, и советские, и новые российские власти не решаются перевести правдивые, горькие слова Гмелина о России: о пьянстве, разврате, мздоимстве и беззаконии.

Другой же причиной стремления покинуть Россию были академические дразги. Гмелин, вернувшись из сибирского путешествия в Санкт-Петербург 16 февраля 1743 года, активно стал обрабатывать коллекции и в 1745 году подал прошение об отставке. После этого обострились его отношения с Шумахером, который всячески мешал работе. Вследствие этого конфликта 28 января 1747 года Гмелин был уволен, однако восстановлен в июле того же года.

К тому же здоровье его действительно было подорвано. Он не смог, подобно Миллеру, адаптироваться к российскому обществу. И потом — он добился кафедры в родном университете, что было его потаённой мечтой. Добившись европейской славы, он считал, что заслужил покой и отдых. Ему было уже почти сорок лет, и только вернувшись в Германию, он встретил женщину, которая стала его женой. Это обстоятельство, вероятно, ещё более должно было усугубить его проблему сдерживать слово перед своими друзьями и коллегами в России.

По этим, а возможно и по каким-то иным причинам, Гмелин остался в Германии, где продолжал работу с гербарием и другими материалами, привезёнными из Сибири.

В 1754 году у него резко ухудшается здоровье. Он успевает закончить лишь третий том «Флоры Сибири», который будет опубликован только через тринадцать лет под редакцией его племянника, тоже И. Гмелина, и адъюнкта Академии Кельрейтера. Гмелин скончался 20 мая 1755 года. Его гербарий вдова передала в Петербургскую Академию наук и получила за него 600 рублей. Четвёртый том

вышел из печати в 1769 году, вслед за третьим. Пятый — в XVIII веке остался неизданным. Гмелин-младший опубликовал из него только несколько новых папоротников. Том считался безвозвратно утерянным и был найден много десятилетий спустя.

В 1754 году членом Петербургской Академии наук становится Карл Линней. К этому времени его опубликованные ботанико-философские труды — «Философия ботаники» (1751) и «Виды растений» (1753) — произвели переворот в систематике растительного мира. С этого времени начался новый отсчёт времени. Гмелин за ним не успевал. Он был последователем Джона Рея (1628–1705), который первый разделил растения на тайнобрачные (споровые) и явнобрачные (цветковые). Последние он разделил на одностольные и двустольные по количеству семядолей с семенами. Это была прогрессивная система живых организмов, из которой впоследствии родилась естественная система Б. Жюссье (1699–1776). Названия растениям Гмелин давал не бинарные: род и вид, как Линней, а полиномные. Но Гмелин и не мог знать новых принципов бинарной номенклатуры. Эти идеи в систематике растений появились, когда он путешествовал по Сибири. Он остался на устаревших позициях систематики, ещё прогрессивных каких-то 10–15 лет назад.

Линней был знаком с великим сибирским гербарием Гмелина. Не исключено, что он знакомился с растениями, получая их непосредственно от промышленников Демидовых: три брата — Григорий, Павел и Пётр — были его учениками. Но это уже другая ниточка, которая вплелась случайно, и тем не менее в чём-то определила развитие сибирской ботаники. Другой его русский ученик — А.М. Карамышев (1744–1791) — приводит 118 растений сибирской флоры, растущих в ботаническом саду Линнея.

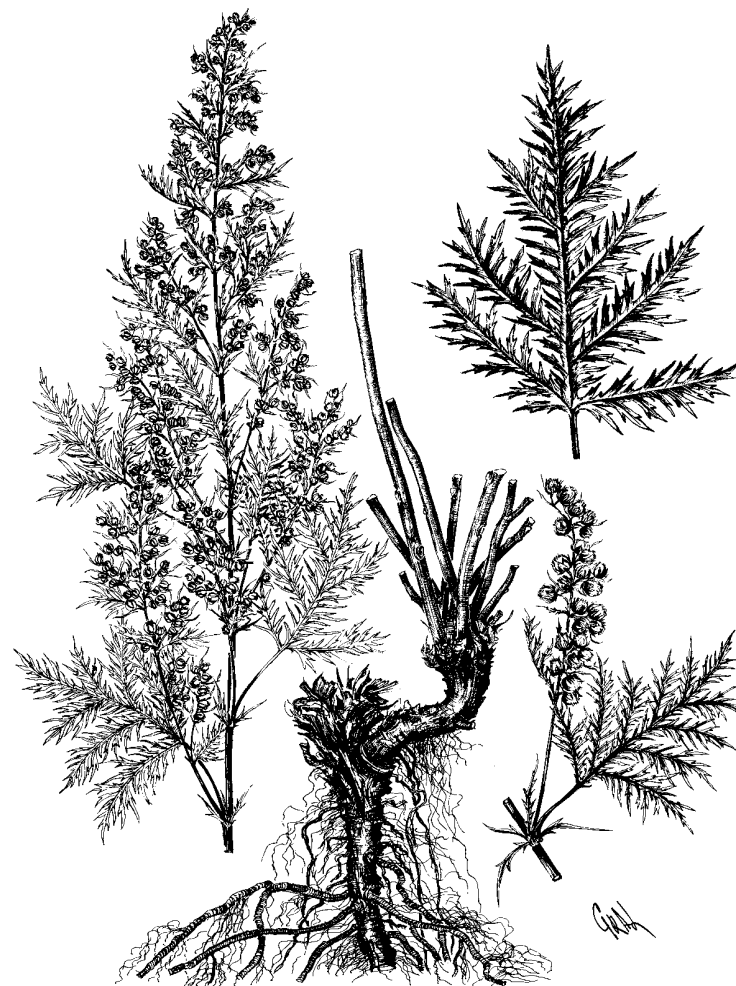
Несмотря на идейные расхождения, К. Линней и И. Гмелин находились в постоянной переписке и в каждом пись-

ме заверяли друг друга во взаимной дружбе и уважении. В одном из писем 1744 года Линней писал Гмелину, что тот открыл столько растений, сколько другие ботаники открыли их вместе. Всего известно 16 писем Линнея к Гмелину. Текст этих писем показывает, что Линней очень высоко ценил ботанические знания Гмелина. В них он обсуждал с ним вопросы систематики и даже эволюции растений. В одном из писем он пишет следующее: «Долго читал этой ночью твоё сибирское путешествие. Никто больше не достоин в ботанике, чем ты, проведший среди варваров десять лет из-за флоры».

Академик Рупрехт на годичном собрании Академии даёт превосходную характеристику трудов Иоганна Георга Гмелина: «...крайности холода и зноя, которые в состоянии переносить человек и животные, и которые далеко превышали назначенные Бургавом меру, понижение изотермических линий к востоку, никогда не оттаивающая почва в Якутии и на Аргуне, распространение чернозема в Сибири, понижение Каспийского моря, барометрические описания высот, и ещё много других наблюдений и открытий отчасти были впервые отмечены Гмелином. Но здесь мы ограничимся только оценкою единственного ботанического труда Гмелина, его сибирской флоры. Это поистинно классическое творение заключает в себе 1178 растений с приложением 300 чертежей... В его *Flora Sibirica* мы видим первые шаткие попытки растительности Сибири, основанной на обширной наглядности: граница обыкновенных европейских растений отодвинута до Енисея и уже подмечено сходство азиатских и американских пород...»

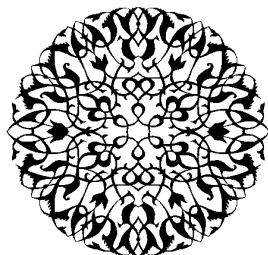
Гмелин один из первых открыл растительные богатства Сибири. Вместе с Мессершмидтом, Крашенинниковым и Стеллером он был первым натуралистом Сибири. Двигали его в этом долг перед Академией, высокая зарплата, научное честолюбие или свойственное всему человечеству стремление к новым открытиям? Измученный произволом чиновников, трудностью путешествий, он послал проше-

ние о разрешении вернуться в Санкт–Петербург из Сибири ещё в 1738 году. Но, тем не менее, жажда новых открытий была для него превыше всего: *«Мне уже было много радости от новых растений, которые случалось встречать ежедневно, и я, прежде отправки моего прошения, часто помышлял о том, чтобы взять его обратно, потому что при виде нового растения у меня тотчас явилось опасение, что эта радость может быть легко сокращена скорым разрешением моего ходатайства».*

Польнь Гмелина – Artemisia gmelinii Web.

КРУГ ВТОРОЙ

СТЕЛЛЕР КРАШЕНИННИКОВ ЛИННЕЙ

Огромная Россия представлялась европейцам XVIII века как *terra incognita* — страна неизвестная, где можно разбогатеть или осуществить самые смелые честолюбивые мечты. Пётр I заложил основы государственной науки. В речи по поводу своего избрания членом Парижской Академии наук он писал: *«Мы ничего больше не желаем, как чтоб через прилежность мы прилагать будем, науки в лучший цвет привести»*. И в созданной им Академии условия для работы приглашаемых учёных были очень неплохие: контракт заключался на пять лет, жалованье составляло 800 рублей, жильё и дрова предоставлялись бесплатно за счёт Академии. Обязанности академиков были несложные: четыре часа в неделю читать публичные лекции, представлять свои рассуждения для членов Академии и дважды в неделю присут-

ствовать на академических собраниях. Кроме того, выполнять поручения связанные с той отраслью науки, которая являлось предметом работы профессора. После пяти лет в случае продления контракта можно надеяться на прибавку жалования до 800 рублей. Во время экспедиции жалование удваивалось. Надо сказать, что первый русский адъюнкт физического класса — М.В. Ломоносов получал только 360 рублей.

В разорённой войнами Европе, профессора известнейшей Французской Академии вообще не получали государственной поддержки, а кормились платой университетов и учеников. Прусская Академия существовала путем продажи календарей и средств от благотворительных мероприятий. Не поэтому ли Бернулли-отец, провожая своих гениальных сыновей в варварскую Московию, давал в дорогу им следующее напутствие: *«...лучше несколько потерпеть от сурового климата страны льдов, в которой приветствуют муз, чем умереть от голода в стране с умеренным климатом, в которой муз обижают и презирают»*.

Другой мотив — это жажда поиска сокровищ. Европейцы многое знали о Великой Татарии, Сибири, Китае. Уже тогда через Московию виделся кратчайший путь в Индию к богатствам Востока. Географический шпионаж процветал и в XVII, и в XVIII веках. В 1671 году сведения в Посольском приказе о дороге из Москвы в Пекин, через переводчика Андрея Виниуса, выкрал курляндец Яков Рейтенфельс. Их он перепродал папской Коллегии в Риме. Рейтенфельс нацеливался на сибирских соболей и другие богатства Сибири.

В 1673 году посол бранденбургского двора Иоахим Скультетус «достал» список отчёта Фёдора Байкова о путешествии в Китай. Секретнейшие карты «Чертеж всей Сибири до Китайского царства и до Никанианского» шведы Эрик Пальмквист и Иоганн Кильбургер вывезли в Стокгольм. Это делалось для того, чтобы умалить значение рус-

ских первопроходцев, исказить историческую правду и утверждать, что река Даурская — Амур, прежде принадлежала португальцам. И все они превозносили несметные сибирские богатства. Это привлекало не только авантюристов, но и естествоиспытателей, которые видели в Сибири новые открытия и возможность удовлетворить своё научное любопытство.

1732 год был обозначен двумя датами важными для российской науки. В немецком городе Галле кандидат богословия Георг-Вильгельм Стеллер (1707–1746) увлёкся наукой ботаникой и всерьёз подумывал о дальних путешествиях. Он ещё не решил — в Америку или в Сибирь. И то и другое было привлекательно и, как знать, может быть и денежно.

В декабре этого же года 22-летний ученик иконоспаской школы Степан Крашенинников (1709–1755) в числе пяти наиболее талантливых и способных к наукам учеников, был отправлен из Москвы в Санкт-Петербург для участия в Великой Камчатской экспедиции. Их пути соприкоснутся только через несколько лет, но нити их судеб уже вплелись в единую пряжу. И каждому для осуществления своих надежд предстоял длинный и тернистый путь.

Георг-Вильгельм Стеллер родился 10 марта 1709 года в германском городке Виндсхейме (Нижняя Франкония), в семье кантора латинской школы и органиста церкви Святого Килиана, уважаемого Йоханнеса-Якоба Стеллера и Сюзанны Луизы, урождённой Бауманн. Он учился с пяти лет в школе, где преподавал отец и был лучшим среди учеников. Как примерный ученик он поступил в 1729 году в Виттенбергский университет и даже был именован стипендиатом магистратуры Виндсхейма. В декабре 1730 года сильный пожар нанёс городу большой урон, и выплата стипендии прекратилась. Одновременно Стеллер начал понимать, что Виттенбергский университет уже не удовлетворяет его тягу к получению новых знаний. После некоторых колебаний он выбрал университет Галле, близ Лейпцига.

Путь Стеллера в Россию был не прост. У него не было знакомых, кто бы рекомендовал его Академии. И он ждал случая.

Летом 1734 года русские войска стояли в Данциге. Анна Иоановна решала здесь польские вопросы, выгоняя избранного польским сеймом короля Станислава и сажая Августа III. Именно здесь молодой врач и естествоиспытатель Стеллер с великолепными рекомендательными письмами от тайного советника Гофмана и профессора ботаники Людольфа и с пустым кошельком искал работу по специальности. Он был уже в Лейпциге, Йене, Галле, но всё было напрасно. Лучший из лучших выпускников гимназии в местечке Винценгейме, где он поражал мирных бюргеров своей учёностью, не имел диплома профессора и поэтому не мог найти работы. В Виттенберге он слушал богословие и упражнялся в риторике. Он был лучшим студентом, но рекомендательные письма мало стоили в Германии.

В Данциге он познакомился с графом Ласси. Это был большой любитель натуральной истории, который высоко оценил способности Стеллера. В Данциге много говорилось о больших успехах немцев не только при дворе русских государей, но и в науках. Бирон, решавший практически все государственные вопросы, помогал своим соплеменникам с большим усердием. И Стеллер решился отправиться в далёкую Россию. Он отыскал в порту судно, перевозившее больных солдат в Россию, и вместе с ними отправился пытаться счастья вдали от родного дома.

Степан Крашенинников в это время уже был в пути на Камчатку. Вместе с академиками Гмелиным и Миллером в конце лета 1734 года он прибыл в Кузнецкий городок. Его перу принадлежат описания Колыванских заводов на Алтае. По поручению академиков он в «Дорожном журнале» даёт детально описанное путешествие сделанное во время плаванья по реке Томи до Томского городка. Поражает тщательность записей и обилие поселений как русских, так и «инородцев» по берегам Томи. Возможно, именно

здесь он отведал «ботаги» от спесивого Миллера, который подчёркивал это, даже когда Крашенинников стал академиком. Здесь он стал первооткрывателем знаменитой теперь «Писаницы» на берегу реки Томи. Он писал: «Камень с нарисованными фигурами к реке стоит, высота его около 10 сажен... На всех сих местах мафалы, олени, лоси, лошади инде люди и рыбы вырезаны». В своих дневниковых записях он оставил черты быта теперь уже практически ушедших народов, например, южных алтайцев («тюлиберских татар»). Вот запись, датированная 28 сентября 1734 года: «У сих татар юрты очень худо построены иные наподобие русских изб, а иные из досок сделаны круглые и на подобие башни верху сведены, и все землёю так осыпаны, что издали никак не можно за юрт признать, двери так малы, что немалому человеку почти полком лезть в них надобно. А полу в них нет, а в середине изделан комель, в котором днём и ночью, зимою и летом огонь безпрестанно кладут...» Так что, ко времени прибытия Стеллера в Россию, Крашенинников был уже опытным географом и натуралистом.

В Петербурге Стеллера никто не ждал. Денег тоже не было. Розовые мечты, которыми он грёзил в Данциге, рухнули перед серой и безысходной действительностью. В таком настроении он приходил в Академический сад, который был хорош даже по европейским меркам. Именно здесь он познакомился с неким садовником, который обещал ему помочь. Удобный момент выдался довольно скоро, Стеллер был представлен к Феофану Прокоповичу и тот взял его лекарем. Безусловно, в 1734 году Прокопович уже утратил былое влияние, которое он имел при Петре I будучи синодальным вице-президентом, но, тем не менее, его авторитет на тот момент был всё ещё очень велик. Именно он помог Ломоносову попасть в заветный список студентов, отправляемых за границу для учебы. Прокопович благоволил к наукам, и Стеллер верил, что протекция этого человека поможет продвигаться его научной карьере. Положение лекаря в XVIII веке

обязывало знать многие тайны и, очевидно, поэтому они были самыми доверенными людьми своих вельмож*.

Молодой немец и в самом деле пришёлся по душе отличающегося суровым нравом архиепископу, который относился к нему вполне по-отечески и закрывал глаза на некоторые упущения по службе, вызванные частыми отлучками для изучения флоры в окрестностях Петербурга. В середине XIX века в библиотеке Санкт-Петербургской семинарии был обнаружен автограф шутливое стихотворения Прокоповича на латыни, озаглавленного «In moram Stelleri medicis»**. Стихотворение повествует, что пока Стеллер ищет целебные травы для больного, тот умирает в страшных мучениях. Покойника уже похоронили, а Стеллера всё нет. Другие больные из последних сил цепляются за жизнь и всячески порицают опаздывающего Стеллера. Наконец тот появляется, разгневанный на Судьбу за то, что она его опередила. Это стихотворение свидетельствует о тёплом отношении Прокоповича к Стеллеру, а кроме того, что Стеллер усердно занимался не только лечением больных, но и собиранием лекарственных трав.

Стеллер встречался со многими влиятельными людьми из Академии, слушал рассказы бывалых людей. Во дворце Феофана он познакомился с молодой вдовой лекаря Петра I Брегиттой Мессершмидт, которая распаляла его воображение рассказами о бесконечной Сибири, где бывал её покойный супруг. Стеллер часами мог слушать захватывающие истории хорошенькой женщины об «ужасах варварской страны».

В 1735 году по протекции Феофана Стеллер предстал перед бароном Корфом, который исполнял должность конфе-

*

*Достаточно вспомнить влияние при дворе Лестока,
лейб-медика Елизаветы*

**

«На промедление Стеллеровых целебных растений» (лат.)

ренц-секретаря Академии. Это решило дальнейшую участь натуралиста. И вот, 28 июля 1736 года Корф известил Шумахера, что «некто медик по имени Стеллер, бывший у Его Преосвященства Архиепископа Новгородского, высказал желание, чтоб его послали в Камчатку в качестве ботаника, и ему отвечено, что, если не выписан на это место кто другой, то он будет принят во внимание к рекомендации Архиепископа». Несмотря на то, что Императрица Анна Иоановна ещё в 1735 году разрешила послать вдогонку Гмелину, Миллеру и де-ла-Кроеру ещё двух учёных, Шумахер не торопился. Контракт со Стеллером был заключен лишь в феврале 1737 года. Академики после достаточного испытания убедились, что новый адъюнкт натуральной истории достаточно искущён в ботанике и оказался необычайно прилежным в исследовании растений и других предметов естественной истории.

Несмотря на нетерпение новоиспечённого адъюнкта, решение Сената пришлось ждать до августа 1737 года. К тому же амурные дела не позволили Стеллеру сразу же отправиться в путь. Он считал, что его несравненная Брегитта должна, как верная подруга, сопровождать его в этом опасном путешествии. Но, добравшись до Москвы, молодая жена, не вняв никаким мольбам и уговорам, наотрез отказалась ехать дальше. Можно только догадываться, что стало препятствием для Брегитты продолжить путь в Сибирь. Но, скорее всего, те два дня пути стали для изнеженной придворной дамы настоящим испытанием. Вот как описывает дорожные тяготы супруга английского посла леди Рондо, путешествующая примерно в то же время: «Мы выехали пятого марта на сани. Сани похожи на деревянную колыбель и обиты кожей. Вы ложитесь на постель, устланную и покрытую мехами; в санях помещается только один человек, что очень неудобно, так как не с кем поговорить. Мы ехали днём и ночью и прибыли сюда девятого (в Москву). Вы скажете, что я слишком бегло описываю путешествие, но что тут рассказывать? Нашим пристанищем каждый раз служила одна маленькая задымлённая

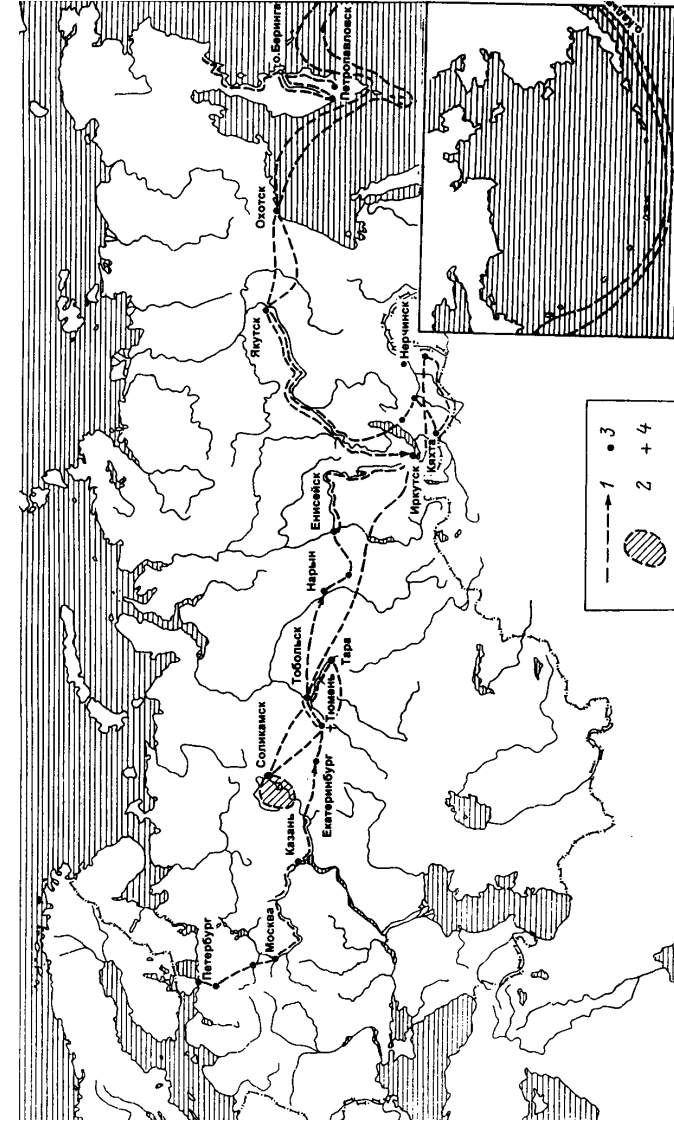
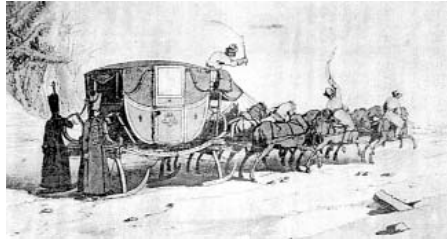
комната, где мы останавливались поменять лошадей и поесть то, что взяли с собой. Люди из всех сил стараются услужить, но видишь, что человеческая порода настолько унижена, встречаешь таких жалких и несчастных бедняг, что они, кажется, только по виду напоминают человеческие существа». Верно, и жена Стеллера, прокатившись из Петербурга до Москвы, и представив дальнейший путь во много раз больший, сочла за благо остаться в столице.

Каким был Стеллер? Скорее всего, при всех его незаурядных достоинствах талантливого натуралиста, он обладал весьма тяжёлым характером. Отправляясь в далёкую экспедицию, 29-летний исследователь был преисполнен важности своего поручения. Но, увы, Стеллер был уже не первым, и это не могло не сказаться на его дальнейшем поведении.

Путешествие проходило неровно. Он долго оставался у Строгановых в Соликамске. А добравшись до Томска, сильно занемог и только лишь в 1739 году 20 января в Енисейске встретился с академиками Гмелиным и Миллером, которые были обрадованы появлением нового сотоварища. К тому времени они работали в Сибири уже шестой год, оба изрядно устали и у них не было желания продолжать экспедицию дальше на Камчатку, а приезд Стеллера давал повод надеяться на успешное выполнение всех задач, поставленных перед академиками. В третьем томе «Путешествий по Сибири» И. Гмелин дал великолепный портрет Стеллера в начале путешествия: «Мы очень обрадовались, что этот даровитый человек после краткого пребывания здесь, достаточно показал, что он был в силах совершить такое великое дело и добровольно сам предложил себя к выполнению его. Если бы мне пришлось совершить это путешествие, то должен откровенно сознаться в том, что обошлось бы гораздо дороже Ея Величеству. Для моих занятий я бы взял с собою более людей, а для них потребовалось бы более продовольствия и, следовательно, значительных издержек на переезд. Могли сколько угодно представлять Стеллеру обо всех чрезвычай-

ных невзгодах, ожидающих его в этих путешествиях, — это служило только большим побуждением к тому трудному предприятию, к которому совершённое им до сих пор путешествие служило только как бы подготовкою. Он вовсе не был обременён платьём. <...> У него был один сосуд для питья и пива, и мёда, и водки. Вина ему вовсе не требовалось. Он имел одну посудину, из которой ел, и в которой готовились все его кушанья; причём он не употреблял никакого повара. Он стряпал всё сам и, причём, с такими малыми затеями, что суп, зелень и говядина клались разом в один, и тот же горшок и таким образом варились. В рабочей комнате Стеллер очень просто мог переносить чад от стряпни. Ни парика, ни пудры он не употреблял, и всякий сапог и башмак был ему впору. При этом его нисколько не огорчали лишения в жизни; всегда он был в хорошем расположении, и чем более было вокруг него кутерьмы, тем веселее становился он. У него не было печалей, кроме одной, но от неё он хотел отделаться, и, следовательно, она служила ему более побуждением предпринимать всё, чтобы только забыть её. Вместе с тем мы заметили, что, несмотря на всю беспорядочность, высказываемую им в образе жизни, однако, при производстве наблюдений был чрезвычайно точен и неутомим во всех своих предприятиях; так что при этом отношении у нас не было ни малейшего беспокойства. Ему было ничем проголодать весь день без еды и питья, когда он мог совершить что-нибудь на пользу науки».

По сути, это всё, что мы объективно знаем о Стеллере. Как адъютант Академии он получал боо рублей и столько же

Карта путешествий Г.-В. Стеллера. 1738–1746 гг. 1 — путь следования; 2 — территория Пермского края; 3 — города; 4 — место гибели. В правом нижнем углу — схематическое изображение морского вояжа к острову Камчатка.

командировочных (вспомним, что Ломоносов в той же должности получал только 360 рублей, а студент Степан Крашенинников, проводивший исследования на Камчатке, итого меньше — всего 100). Но у Стеллера была молодая жена, на содержание которой уходила большая часть жалования. Отсюда, возможно, его неприятие в жизни и поиск приключений и опасностей как способ добывания и экономии средств. Похоже, семейные дела были его единственной печалью, о которой писал Гмелин.

Гмелин и Миллер дали задание Стеллеру обследовать вместе со студентом Крашенинниковым Камчатку. Последний находился там уже два года — летом 1737 года, после трёхлетней совместной работы с Гмелином, он отделился в Якутске от ближайших участников экспедиции и самостоятельно отправился на Камчатку.

Стеллер отбыл в Иркутск 5 марта 1739 года; 23 марта прибыл на место, где предпринял несколько поездок по озеру Байкал и реке Витим. Кроме того, им было предпринято путешествие в Кяхту за китайской бумагой, необходимой для закладки собранных растений в гербарий. Всё это он делал по собственному почину и сообщал о своих планах напрямую в Санкт-Петербург. Стеллер мнил себя самостоятельным посланником Академии, и считал ниже своего достоинства подчиняться длинным инструкциям чопорного Гмелина. Тот же полагал, что адъютант Стеллер лишь немногим выше по положению, чем студенты, но много ниже «благородных профессоров». Неудивительно, что вскоре мнение Гмелина о Стеллере изменяется к худшему, и в дальнейшем согласия между ними никогда уже не будет.

В апреле 1740 года Стеллер уговорился с капитаном Шпангербергом отправиться к берегам Японии. Он тут же посылает донесение Сенату об увеличении жалования до академического себе и живописцу Беркану, в связи с тем, что предстоят большие трудности. В этом же донесении он указывает, что деньги нужны так же для поддержки студен-

тов Крашенинникова и Горланова, которые проводили самостоятельные исследования. Он всячески демонстрирует свою значимость: «Степан Крашенинников и Александр Горланов, как оные из С.-Петербурга отправлялись, то были в молодых летах и малы*, а ныне находятся в совершенном возрасте, и из определённого им жалования 100 рублей провианту купить и лошадей нанять не могли б, ежели б оным я помощи не учинил из моих собственных денег взаём».

Ничего не известно из того, как складывались отношения Крашенинникова и Стеллера. Согласно предписания Гмелина и Миллера, Крашенинников должен был включиться в команду Стеллера и передать все свои материалы, собранные на Камчатке. Так оно и произошло, и в дальнейшем Стеллер широко использовал данные, полученные от Крашенинникова. С другой стороны и Крашенинников использовал материалы по флоре и фауне Камчатки в своей работе «Описание земли Камчатской».

Заносчивость Стеллера становилась помехой делу изучения громадной территории. Везде он видел соперников своих открытий, завистников своей ещё не пришедшей славы. Он начинает сочинять секретные проекты для Сената по улучшению правления на Камчатке, заключающиеся в постройке новых острогов, а священному Синоду предлагает легчайшие способы обращения камчадалов в христианскую веру. Вероятно, таким способом он пытался укрепить свой авторитет в экспедиции и стать равным партнёром академиком.

Осенью 1741 года произошло ещё несколько значительных событий для ботанической науки. Великий Линней 25 сентября читает свою первую лекцию в родном Упсальском университете. Крашенинников закончил свои труды на Камчатке и в сентябре того же года в Якутске обвенчался с дочерью местного воеводы. А в Берлине в семье военного

*

Крашенинников был лишь на два года моложе Стеллера

хирурга Симона Палласа 22 сентября родился ребенок, судьба которого навечно будет связана с судьбою российской ботаники, — Пётр Симон Паллас. Стеллер же совершит осенью 1741 года своё предначертание — путешествие к берегам русской Америки.

По вызову капитана Беринга Стеллер прибывает в Петропавловскую гавань для участия в морском путешествии. Он остался очень недоволен приёмом, оказанным ему капитаном и старшими офицерами. Витус Беринг, капитан петровской эпохи, был очень жёстким человеком. Он совсем не соответствует тому известнейшему изображению, которое можно найти в любом учебнике географии. Как оказалось, то был портрет его дяди — мирного литератора.

Для Беринга Стеллер представлял совершенно ненужную обузу. В свою очередь, Стеллер тут же написал жалобу в Сенат. Он писал с обидой, что его приняли не так, как положено его сану, что ни к каким советам Беринг не прислушивается. Тем не менее 4 июня 1741 года свершилось событие, о котором естествоиспытатели всей Европы мечтали весь XVIII век: на пакетботе «Святой Пётр» натуралист отправился к берегам ещё не известных земель. Однако Стеллеру было нелегко проводить свои пионерные исследования, находясь на борту судна, управляемого Берингом. Только посредством жалоб, угроз, скандалов ему удаётся — и то лишь несколько часов! — поработать на острове Каяк. Да и всё собранное вскоре погубило в кораблекрушении, случившемся 5 ноября 1741 года среди неизвестных тогда Алеутских островов. Чудом спасшиеся моряки во главе со своим капитаном и вместе с ними странный собиратель трав и жуков вынуждены были вступить в борьбу с суровой природой неведомой земли. Не все из них выдержали тяжкие испытания во время зимовки на островах. Это плавание оказалось последним и для капитана Витуса Беринга.

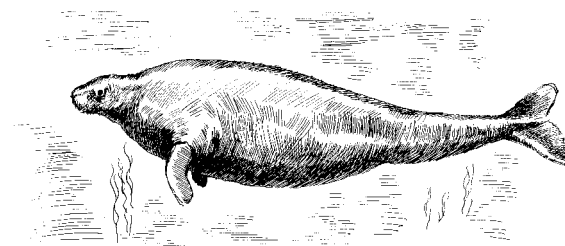
Однако Стеллер, давно привыкший к спартанской жизни, все тяготы островной жизни переносил на удивление

легко. Он был и лекарем, и поваром, и казалось, был даже рад, хотя и не совсем удобному случаю, проводить свои научные наблюдения. Здесь же он написал исследование по животному миру этого края.

Божьим даром для них была капуста или, как её в дальнейшем назовут, «стеллерова корова», которую из натуралистов живьём видел только Стеллер. Стада крупных животных в изобилии встречались в прибрежных зарослях морских водорослей и совершенно не пугались людей, поэтому охотиться на них можно было без особого труда. *«В любое время года этих животных можно найти повсюду вокруг острова в таком количестве, что всё побережье Камчатки могло бы постоянно щедро снабжать себя их жиром и мясом»*. Возможно, эти слова Стеллера способствовали тому, что уже через 27 лет здесь же, на острове Беринга, был истреблён последний экземпляр этого уникального животного.

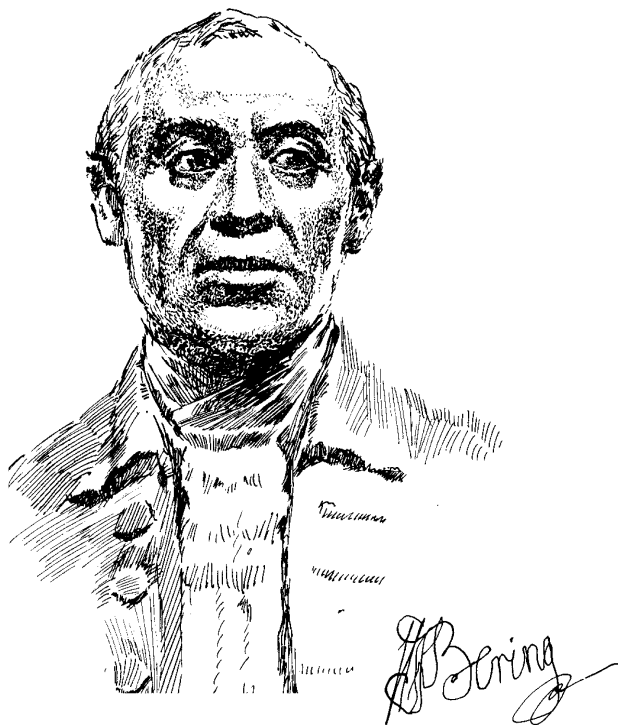
Надежды на то, что команду Беринга вызволят с необитаемого острова, не было никакой, и весной 1742 года, построив из остатков старого судна новый пакетбот, путешественники вернулись на Камчатку, где их считали давно погибшими.

Трудно представить, но даже из этого путешествия Стеллер привёз свой гербарий. Вернувшись на Камчатку, он совершил ряд путешествий и собрал большой фактический

Морская, или стеллерова корова (*Rhinoceros stelleri*). Истреблена в конце XVIII века.

1.

2.

1. Беринг Витус (1681-1741). Рисунок по пластической реконструкции внешности по черепу. Автор - проф. В.В. Звягин.
2. Портрет, долгое время приписываемый В. Берингу, на самом деле принадлежащий его родственнику литератору.
3. Сибирь и сибиряки.
4. Алеут с Шумагинских островов на байдарке.
5. Могила Витуса Беринга.

материал. 3 августа 1744 года он отправляет 16 ящиков с различными предметами натуральной истории. При этом отдаёт распоряжение опечатать и не вскрывать ящики до самого Петербурга. Именно в это время отношения между Стеллером и академиками достигают наибольшего напряжения. Печати ему не поставили, а в Иркутске академики вскрыли ящики и препроводили багаж уже от своего имени. Взаимопонимания с Крашенинниковым тоже не получилось. Стеллер в категорической форме потребовал сдать ему все материалы по Камчатке, которые Степан старательно добывал в течение четырёх лет.

Крашенинников имел больше опыта, чем Стеллер, он был плоть от плоти русского народа и не только обладал знаниями натуралиста, но и знанием обычаев, сложившихся на Камчатке. В этом отношении Стеллер явно уступал коллеге, и его категоричность не могла способствовать поддержанию добрых отношений. По некоторым вопросам суждения Стеллера были, мягко говоря, некомпетентны. Чего стоит, например, совет, который он давал якутской администрации, что русские на Камчатке могут совсем обойтись без хлеба, питаясь только местной рыбой, а также корнем сараны (строго говоря, луковицами). И что это можно быстро ввести в обиход без угрозы для здоровья. При этом он ссылается на собственный опыт, мол, сам он *«от употребления по тамошнему обыкновению корму никакой скуки для себя не имел»*.

Стеллер много ездил по Камчатскому краю, посещал многие остроги и, имея горячий характер, не раз пытался облегчить участь местного населения, которое опаивалось и обкрадывалось русскими чиновниками и купцами. В частности он давал показания против мичмана Хметевского, отличавшегося большой жестокостью к камчадалам. В ответ мичман тоже слал доносы на Стеллера. Он обвинял его в том, что тот самолично отпустил из Большерецкого острога камчадалов, якобы зачинщиков бунта против русских.

Стеллер давал свои разъяснения в Иркутской канцелярии в конце 1745 года, и они были признаны достаточными. Но курьёзы российской бюрократии привели к тому, что Сенат, не получив необходимых бумаг из Иркутска, назначает новое расследование. В результате чего Стеллера, уже на пути в Санкт-Петербург, 25 марта 1746 по указу Сената от 1744 года из Соликамска под конвоем сопровождают обратно в Иркутск. Расстояние даже по нынешним временам нешуточное, а в XVIII веке переезд мог растянуться на месяцы. Можно представить себе состояние Стеллера, которому не терпелось поведать миру о своих великих открытиях, почувствовать себя равным среди академиков, насладиться славой и почётом. А вместо признания, заслуженного самоотверженным трудом и смертельным риском, его как преступника таскают по бескрайним просторам Сибири.

В то время как сенатский курьер Захар Лупандин вёз подследственного в Иркутск, в Сенат дошли документы иркутской канцелярии, свидетельствующие о невиновности Стеллера. Вновь снаряжённый курьер догнал Стеллера в Таре. Можно было возвращаться назад в Санкт-Петербург, где его ждала — или, может, уже не ждала — молодая жена. Но на обратном пути 12 ноября 1746 года в Тюмени Стеллер скончался от горячки.

Мы не можем уверенно сказать, от чего же умер талантливый, но не реализовавшийся естествоиспытатель? Его первый биограф, некий Шерер, выдвинул версию, что его, пьяного, ямщики забыли в санях, где он и замёрз. Но эта версия не оправдана, поскольку Стеллер перед смертью успел распорядиться своим имуществом. Да и памятуя характеристику Гмелина, вряд ли убедительно такое объяснение. Было ли это воспаление легких, которое нетрудно было получить, путешествуя поздней осенью, или, может, он не оправился от обвинений и оправданий, и его хватил «нервный удар»? На какой ямщицкой станции закрыли ему глаза? Всё это тоже тайна.

Несмотря на трудности пути, горячность характера и некоторую неакадемическую несдержанность и заносчивость, сделал Стеллер немало. Благодаря стеллеровой короле, его чаще всего вспоминают как зоолога, но прежде всего, он был ботаником. Только вот занятия ботаникой были в то время очень затратными. Бумаги не было, поэтому и везли растения как придётся — или семенами, или живыми экземплярами.

В последнем донесении в сенат Стеллер с горечью докладывал: *«Великое множество редких моих растущих вещей и кустов, которые я по указу с великим трудом собирал на дороге, растаяли, и я весной принуждён был их либо всё выбросить, либо в Соликамске оставить»*.

Действительно, в Соликамске, в ботаническом саду Демидова прижились 80 наиболее ценных экзотов. После смерти Стеллера Григорий Демидов позаботился о его коллекции.

Собранные растения Стеллер отправил в Упсалу к Линнею с просьбой определить их и прислать ему список. Таким образом, в последний момент осуществилась связь двух великих учёных-натуралистов XVIII века. О том, что Стеллер был изрядным ботаником, говорит реестр его рукописей, в числе которых «Флора Перми с описанием многих трав», «Дополнение к флоре р. Лены доктора Гмелина», «Флора иркутская» на 90 листах, «Описание трав, растущих между Якутском и Охотском», «Описание и реестр камчатским травам» и так далее.

Так оборвалась яркая, но короткая ниточка ботанической судьбы одного из самых таинственных и вместе с тем ярких натуралистов России. Но не прервалась великая связь судеб. В это время в покорённой Россией Финляндии девятилетний Эрик Лаксман получал первые уроки ботаники. Он ещё не знал о том, что ему суждено стать *«славным господином профессором»* и сам Линней будет писать ему в далёкий Барнаул длинные письма с просьбой прислать ему немного сибирских растений.

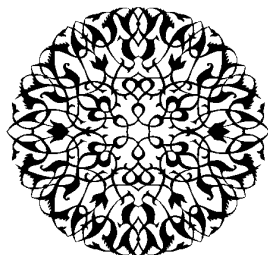

Портрет, приписываемый
Г.-В. Стеллеру (1709-1746)

Криптограмма Стеллера – *Cryptogramma stelleri* (S.G. Gmel.) Prantl

КРУГ ТРЕТИЙ

КРАШЕНИННИКОВ ЛИННЕЙ

К Степану Крашенинникову судьба была более благосклонна. Он вернулся из 2-й Камчатской экспедиции, которая унесла жизни Беринга и Стеллера. Но вся его жизнь и научная карьера были тяжёлой борьбой с обстоятельствами. Кто бы мог подумать, что сын солдата Преображенского полка дорастет до звания академика. Одному Богу известно, чего ему это стоило. Русская нация, уже давшая миру «Слово о полку Игореве», великих полководцев и мыслителей, осталась в XVIII веке без языка. В то время западно-европейская культура приватизировала право на научно-технический прогресс. Мировая наука требовала латыни или хотя бы знания немецкого языка. Острому пытливному русскому уму противостояла тяжеловесная схоластика и метафизическая ограниченность европейского мышления. Уже тогда закладывалось противостояние между Западом и Востоком, уже тогда делалась попытка «одурачи-

вания» и «онемечивания» русской науки, свободного русского мышления, принижения открытий, сделанных русскими учёными.

Двести лет в русской науке главенствовали иностранцы и большинство из них не испытывало к России ни малейшей любви, а тех, которые служили честно, было мало. Их так же, как Гмелина, тянуло на родину. Объяснение засилья иностранцев в Академии историки видят в «благородной деятельности» нерусских царей. Дескать, Романовы из самых лучших побуждений «призвали на Русь» просвещённых немцев и голландцев, дабы с их помощью вытащить страну из мрачного болота отсталости, косности и невежества. Среди учёных, приглашённых из Западной Европы, были действительно выдающиеся мыслители, к примеру гениальный математик Леонард Эйлер, который, кстати, очень быстро уехал из России. Однако при этом обычно обходят молчаливым тот факт, что все члены Петербургской Академии наук до 1742 года — сплошь иностранцы, за исключением лишь одного — Василия Евдокимовича Адогурова, избранного в Академию в 1733 году.

Достаточно посмотреть перечень академиков «просвещённого» XVIII века, чтобы убедиться, что русским в Петербургской Академии не было места. Иностранцы, и только иностранцы представляли науку в России. И как же обидно видеть в одной колонке малообразованного, бывшего истопника графа К.Г. Разумовского — Теплова и гордость русской науки М.В. Ломоносова.

1725 год:

- 1) Герман Якоб (Hermann Jacob) — первый академик Петербургской Академии наук,
- 2) Мартини Христиан (Martini Christian),
- 3) Коль Иоганн-Петр (Kohl Johann-Peter),
- 4) Бюльфингер Георг-Бернхард (Bulfinger Georg-Bernhard),

- 5) Гросс Христофор (Gross Christian Friedrich),
- 6) Майер Фридрих Христофор (Mayer Friedrich Christoph),
- 7) Бернулли Даниил (Bernoulli Daniel),
- 8) Делиль Жозеф–Никола (Delile Joseph–Nikolas),
- 9) **Буксбаум Иоганн–Христиан (Buxbaum Johann–Christian),***
- 10) Гольдбах Христиан (Goldbach Christian),
- 11) Бюргер Михаил (Burger Michael),
- 12) Бернулли Николай (Bernoulli Nicolas),
- 13) Дювернуа Иоганн–Георг (Du Vernoi или Duvernoy Johann–Georg),
- 14) Миллер Фёдор Иванович (Muller Gerard–Friedrich),
- 15) Байер Готлиб–Зигфрид–Теофил (Bayer Gottlieb–Siegfried–Theophil),
- 16) Беккенштейн Иоганн–Симон (Beckenstein Johann–Simon),
- 17) Вейтбрехт Иосия (Weitbrecht Iosias),

1726 год:

- 18) Лейтман Иоганн–Георг (Leutmann Johann–Georg),
- 19) Эйлер Леонард (Euler Leonhard),

1727 год:

- 20) Делиль де ля Кройер Луи (Delile de la Croyere Louis),
- 21) Крафт Георг–Вольфганг (Kraft Georg–Wolfgang),
- 22) **Гмелин Иоганн–Георг (Gmelin Johann–Georg),**

1731 год:

- 23) Винсгейм Христиан–Никола фон (Winsheim Christian–Nicolas von),
- 24) Юнкер Готлоб–Фридрих–Вильгельм (Junker Gottlob–Friedrich–Wilhelm),

*

Полужирным шрифтом выделены ботаники

1732 год:

- 25) Фишер Иоганн–Эберхард (Fischer Johann–Eberhard),
- 26) Крамер Адольф–Бернхард (Cramer Adolf–Bernhard),

1734 год:

- 27) **Амман Иоганн (Amman Johann),**
- 28) Лоттер Иоганн–Георг (Lotter Johann–Georg),
- 29) Адодуров Василий Евдокимович,

1735 год:

- 30) Штелин Яков Яковлевич (Stahlin Jacob),
- 31) Леруа Пьер–Людовик (Le Roy Pierre–Louis),

1736 год:

- 32) Мула Фредерик (Moulac Frederic),
- 33) Вильде Иоганн–Христиан (Wilde Johann–Christian),
- 34) Либерт или Либертус Иоганн–Христофор (Libert или Liebertus Johann–Christophor),
- 35) Гейнзиус Готфрид (Heinsius Gottfried),
- 36) Геллерт Христиан–Эреготт (Gellert Christian–Ehregott),
- 37) Мерлинг Георг (Moerling или Morling Georg),
- 38) Мигинд Франциск (Mugind Franciscus),
- 39) Малярд Михаил Андреевич,

1737 год:

- 40) **Стеллер Георг–Вильгельм (Steller Georg–Wilhelm),**
- 41) Брем или Брэме Иоганн–Фридрих (Brehm или Brehme Johann–Friedrich),

1738 год:

- 42) Тауберт Иван Иванович или Иоганн Каспар (Taubert Johann Caspar),
- 43) Штрубе де Пирмонт Фридрих–Генрих (Strube de Piermont Freidrich–Heinrich),

1740 год:

- 44) Крузиус Христиан–Готфрид (Crusius Christian–Gottfried),
- 45) Рихман Георг–Вильгельм (Richmann Georg–Wilhelm),

1742 год:

- 46) Теплов Григорий Николаевич,
- 47) Ломоносов Михаил Васильевич,
- 48) **Сигезбек Иоганн–Георг (Siegesbeck Johann–Georg)**,
- 49) Трускотт Иван Фомич или Иоганн (Truscott Johann),

1745 год:

- 50) **Крашенинников Степан Петрович**,
- 51) Третьяковский Василий Кириллович.

Вряд ли иностранцам было выгодно учить русских «студентов». И очень горько, что из тридцати молодых людей, отобранных для 2-й Камчатской экспедиции, в науку прижился только Степан Крашенинников, который сам, без помощи профессоров Академии, изучил огромные пространства Сибири и Камчатки. А остальные 29 молодых талантов сгинули, не найдя поддержки и места под небом науки. Ни у кого из «просвещённых» академиков не осталось русских учеников, которые могли бы продолжать научные исследования своих учителей. Здесь и в самом деле в пору задуматься об интеллектуальном порабощении России, которое продолжалось почти 200 лет.

С.П. Крашенинников известен больше как географ, и наибольшую известность получила его книга «Описание земли Камчатки», где не столь много места отводится ботанике. В этой книге есть лишь одна небольшая глава о хозяйственно полезных растениях Камчатки, названная автором на громоздком научном языке того времени: «*О про-*

С.П. Крашенинников (1713–1755)

*израстающих, особенно которые до содержания тамошних народов касаются»**. Здесь охарактеризованы 34 вида растений, находивших применение в быту местного населения.

Этим, конечно, не исчерпывались ботанические наблюдения Крашенинникова. Он собирал на Камчатке семена местных растений и гербаризировал их. Но отсутствие средств не позволяло ему проводить полноценные ботанические сборы. Неизвестно, сколько материалов, собранных студентом Крашенинниковым, стало достоянием *«благородных господ профессоров»*. Да и впоследствии неоднократно делались попытки оспорить его авторство и опорочить его научное имя.

Ботанический сад при Сигезбеке

В 1743 году С.П. Крашенинников после десятилетних странствий вернулся в Санкт-Петербург. За время путешествия он сблизился с Гmeliном, и последний действительно много помогал Крашенинникову стать хорошим ботаником. Это, пожалуй, единственное исключение из правил поведения академиков-иностранцев.

В это время Ботаническим садом Академии заведовал Иоганн-Георг Сигезбек (1685–1755). Он прибыл в Россию уже после отъезда экспедиции в 1735 году, работал медиком в приморском госпитале и одновременно заведовал Аптекарским огородом. Это был неплохой медик и садовод. Аптекарский огород под его руководством стал поставщиком лекарственных трав для всех аптек города. Вместе с тем он — откровенный ханжа, стоял на ортодоксальных позициях в биологии.

*

Следует отметить, что это был первый по времени серьёзный очерк по отечественной этноботанике

Линней открыл, что у растений есть мужские цветки с тычинками и женские — с пестиками. Сигезбек написал пасквильный трактат на это открытие Линнея, считая, что определение пола у растений — занятие крайне непристойное и постыдное. Но его пасквиль не достиг цели. Академия наук, напротив, высоко оценила заслуги Линнея: именно за это научное открытие она выбрала его своим почётным членом.

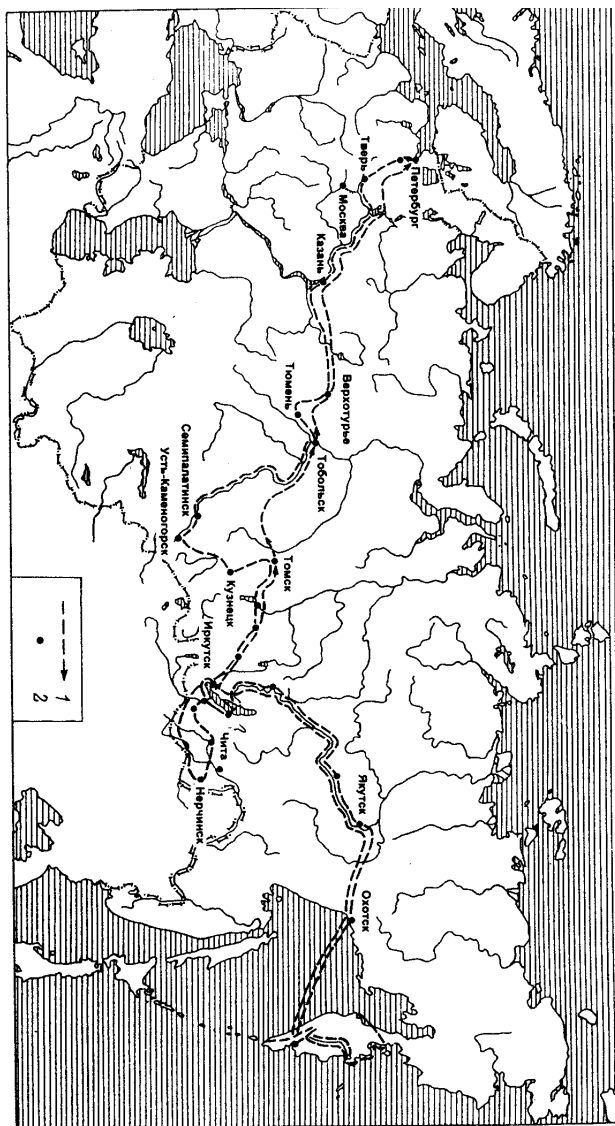
Несмотря на это, Шумахер подписал прошение об определении Сигезбека академиком ботаники на место умершего академика Аммана. Шаг этот даже для того времени был неожиданным. Скандальный и склочный характер при больших способностях к ботанике нового академика были всем хорошо известны. За этим назначением явно просматривалась дворцовая интрига.

В те смутные времена в Российской Империи многое решалось вопреки здравому смыслу. Правила временщики, которые старались везде насадить «своих немцев».

Сигезбек уже через несколько месяцев после возвращения Гmeliна подал на него жалобу. Может быть, через двести пятьдесят лет и не стоит вдаваться в детали тех дрызг, но человеческих отношениях ничего не меняется. Низость и подлость, подкреплённая «мохнатой лапой», к сожалению, всегда имеет преимущества. Сигезбек писал: *«Когда г. Гмелин, химии натуральный профессор, прибыл из Сибири, то долго, будучи в отлучке и совсем отвыкнув чрез различные перемены и даже обычаи от академических постановлений, стал вмешиваться в дела ботанической профессии, а меня как профессора ботаники и начальника ботанического сада, обижал, беспокоил и часто возбуждал бесполезные столкновения...»*. В конце этой жалобы он находил, что поведение Гmeliна тем непристойно, что Гмелин был новичком в ботанике, а он, Сигезбек, старый профессор, преподавал эту науку, когда Гмелин был ещё ребёнком. Именно это обстоятельство вынудило Гmeliна создать возле дома свой маленький садик и в нём изучать привезённые растения.

Карта путешествия С.П. Крашенинникова 1733–1742 гг. 1 – путь следования, 2 – город.

Однако мерилom и судьёй человеческих отношений может быть только время. Именем Гмелина названы десятки видов растений. А именем *Sigesbeckia* Карл Линней назвал одну из самых уродливых колочек из семейства астровых.

И вот у такого академика заканчивал своё студенчество Крашенинников. Степан Петрович всегда был крайне беден. Жить на сто рублей с женой и шестью детьми было невозможно и в то далёкое время, поэтому он часто хлопотал перед Академией о материальной помощи. Известно, что в 1745 году на академическом заседании, незадолго до того, как Крашенинникову дали звание адъюнкта, Сигезбек сделал выговор ему за то, что тот без его ведома принял дрова и деньги от Академии. Много крови выпил Сигезбек из Крашенинникова, пока новый президент Академии К.Г. Разумовский не уволил сварливого академика в 1747 году. Резолюция графа была категорична: «Отрешить от Академии Сигезбека», на том основании, что «...адъюнктом Крашенинниковым пробавиться можно <...>, да и нужды в ботанической науке при Академии такой нет, чтоб профессора на столь великом иждивении за одну только ботанику содержать...» Следует порадоваться за Крашенинникова: его нить судьбы прочно вплелась в орнамент ботаники. Однако обидно за столь пренебрежительное отношение к науке ботанике со стороны государственного мужа.

На место Сигезбека был формально назначен Гмелин, получивший отпуск на родину, откуда он в Россию уже не вернулся.

Ботанический сад при Крашенинникове

Только с уходом Сигезбека Крашенинников смог самостоятельно и в полном объёме заниматься ботаникой. Более всего он, по-видимому, был занят описанием и выращивани-

ем сибирских растений из семян, доставленных из путешествия. Растения выращивались и в Академическом саду на Васильевском острове, и в Аптекарском огороде на Аптекарском острове, и в собственном саду Гмелина.

Академический сад в этот период фактически возглавлял Крашенинников. Ему более всего досаждали хозяйственные заботы, с которыми не могли справиться предшественники. Отсутствие настоящих теплиц, протекающие крыши «ботанического дома» и валившийся забор — всё это было хроническим при крайней ограниченности средств, отпускаемых академической Канцелярией. Так и не добившись постройки сносной оранжереи, Крашенинников испросил у Академии разрешения снять оранжерею расположенного поблизости Шляхетского корпуса в саду Меньшикова дворца.

Здесь Крашенинников вёл обычную в те времена работу, расширяя коллекцию выращиваемых растений и составляя разного рода каталоги: «Генеральный индекс», «Каталог тепличных растений» и ежегодный «Перечень семян». Всё это делалось вполне на уровне европейских садов, хотя и в сравнительно более скромном масштабе.

Ко времени работы Крашенинникова в саду относится напечатанная им в «Комментариях Академии» в 1750 г. без подписи статья «Описание редких растений». Статья сопровождалась хорошими рисунками и по превосходному описанию растений, несомненно, была выше обычных в то время работ подобного типа. Были описаны в ней растения коллекции Стеллера, привезённые с Камчатки и Аляски, коллекции Гобиля — из Пекина, Гербера — с Дона. Описанные растения происходили из столь различных и отдалённых местностей, что это характеризует достаточно высокий уровень автора.

После того как Крашенинников возглавил ботанический сад, научная работа в нем значительно улучшилась. Он внёс в Академию проект об изучении растительности Рос-

сии. Он просил Канцелярию организовать сборы семян во всех губерниях страны. Сборщикам Крашенинников рекомендовал обращать внимание на местонахождение растений, сообщать сведения о времени сбора семян. Он понимал необходимость обмена семенами с другими ботаническими учреждениями мира, чтобы и «с чужестранными ботаниками содержать переписку и мену семенами». Сделал он также попытку определить в садовые ученики двух человек из академической гимназии, которые «для ботанического сада способнейшими садовниками быть могут, нежели обыкновенные садовники, которые умеют водиться только с некоторыми деревьями и душистыми цветами». Надо заметить, что этот проект можно было реализовать тем более успешно, что, по настоянию Ломоносова, в 1748 году ректором академической гимназии был назначен Крашенинников. Ему удалось провести великолепный интродукционный эксперимент с семенами, собранными в разных географических пунктах: Америке, Камчатке, Китае, на Дону. Возможно, это были первые географические посевы в России.

В эти годы Крашенинников много работает над закладкой нового сада. Следуя устным указаниям Канцелярии, Крашенинников и ботаник Гобенштройт «осмотрели места здешнего Васильевского острова» и в рапорте указали, что «способнейшего к тому места сыскать не можно, как кадетский огород, который за Малою перспективою, между 7-й и 9-й линиями находится, ибо там по обширности места можно быть саду и строеанию, не постыдному Императорской Академии наук, к тому же и земля там плодородна и вода внутри саду». Но на это место Васильевского острова сад перенесён не был.

Крашенинников стремился поддерживать связи с крупными учёными, и поэтому он пишет письмо самому Линнею. Именитый ботаник прислал незамедлительный ответ: «Славнейшему мужу, достойному Степану Крашенинникову, Петербургскому профессору ботаники и натуральной истории шлёт нижайший привет Карл Линней. Любезное твоё пись-

мо от 7 декабря я получил, славнейший муж, я очень благодарен тебе за него, а так же за присланные гербарии, особенно за твою лунарию...» Таким образом, нам открылась ещё одна связь, и проявился новый узор бесконечных арабесок ботаники.

Известно, что М.В. Ломоносов относился к С.П. Крашенинникову с большой любовью. Именно он рекомендовал к опубликованию главный труд Крашенинникова — «Описание земли Камчатской». В октябре 1751 года он писал в Канцелярию Академии наук: «Присланную ко мне сентября 24 дня при ордере книгу, сочинённую профессором Крашенинниковым, называемую "Описание земли Камчатской" свидетельствовал, которую признаю за достойную напечатания ради изрядных об оной земли известий».

Свои ботанические исследования Крашенинников проводил и в окрестностях Санкт-Петербурга. В одном из документов, датированном 1749 годом, он спрашивает у Канцелярии четырёхвёсельную лодку с рабочими, которые бы могли носить «собираемые травы и выкапываемые для саду коренья», из чего мы видим, что он организовывал поисковые экскурсии не только для изучения растений в природе, но сбора живых экземпляров для пополнения коллекции.

Ботанические исследования

После отъезда Гмелина в Германию (1749) оборвалась связь между первыми ботаниками Петербургской Академии. Однако Крашенинников уже не нуждается в опеке и наставниках. С 1750 года он сам становится полноправным членом Академии.

В 1752 году Крашенинников предпринял новое путешествие. Свидетельством тому является рапорт в Канцелярию Академии наук, в котором был намечен маршрут его экспедиции. «Намерен я, — говорится в рапорте, — для ботанических обсерваций ехать отсюда до Шлюшенбурга и от Шлюшенбурга по Ладожскому каналу до старой Ладоги и до Новгоро-

да. Того ради Канцелярию Академии покорно прошу, чтоб о пропуске меня, переводчика Щепина и будуче при мне людей повелено дать пропуск на один из перевозных щерботов с бечегою и мачтою, а людей при нас четыре человека работников, которые будут тянуть бечегою, двое из Ботанического сада и двое из истопников гимназических, да один гимназист из сирот. Профессор Степан Крашенинников».

На этот рапорт И.-Д. Шумахер накладывает длинную, но разрешающую резолюцию, и Крашенинников получает возможность изучить растения Ингерии. «Понеже, — говорится в резолюции, — при Академии давно принято намерение о сочинении исследования и описания зверям, травам и камням, рудам и прочего в Российской Империи обретающемуся, которое исследование в некоторых провинциях произведено, а в других поныне не учинено и как оное дело есть нужное, полезное и достохвальное, которое без продолжения оставить никак не возможно и для того в Канцелярии Академии наук определено: к продолжению того назначить профессора ботаники господина Крашенинникова, чтоб он в нынешнее время, сколько возможно допустит, начало описания растущих трав в Ингерманландии определил и оное бы описание сочинил наподобии учинённого им Камчатского описания, а для вспоможения придан ему быть имеет переводчик Щепин и некоторые ученики, о чём оному господину профессору Крашенинникову и объявлено в Канцелярии».

Сия витиеватая резолюция, по сути, техническое задание на изучение природы северо-востока России, что Крашенинников и выполнил. В августе следующего года он докладывал в Канцелярию, что им собрано более 500 видов разных трав.

9 февраля 1755 года он опять подаёт рапорт — о необходимости путешествия в Малороссию и Новороссию: «Известно Канцелярии Академии наук коим образом чужестранные любопытные люди требуют от нас трав и семян нашего столь протранного государства, отчего зависит честь Академии в рассуждении ботаники». Но профессору Крашенинникову, к сожалению

нию, уже не удалось осуществить эту поездку. 25 февраля того же года лекарь Академии Иберкамф пишет короткий рапорт: *«Сего февраля 25 числа по утру в седьмом часу ведомства Академии наук господин профессор Степан Крашенинников Волей Божию умре и о сём Канцелярии Академии наук рапортую».*

Причина смерти остаётся и доселе не известной. Можно только предположить, что неожиданная кончина эта — следствие не хронических заболеваний, поскольку профессор ещё две недели назад был здоров и строил планы на будущее.

Архивариусом И. Стафенгаеном был составлен реестр оставшихся после смерти С.П. Крашенинникова рукописей, которые поступили в Архив. Там было и полностью законченное сочинение «О растениях Ингерии», содержащее 506 видов. По всей вероятности, эта рукопись осталась бы лежать в Академическом архиве, быть может, лишь время от времени привлекая внимание историков науки, как свидетельство деятельности первого русского профессора ботаники и как первая региональная флора нашего отечества.

Однако сочинение профессора Крашенинникова счастливо увидело свет и самым действенным образом послужило науке. Это произошло благодаря почётному члену Академии лейб-медику Давиду Гортнеру, который прибыл в Санкт-Петербург 12 сентября 1754 года и был очарован природой вокруг российской столицы: *«... обошёл облесённые берега Невы, окрестные луга и поля, увидел растения, там обитающие, из которых многих не видел у себя на родине и был охвачен желанием тщательнее их исследовать. Но так как в это время флора, готовая ко сну, уже слагала свои венки, стремление мое было подавлено до следующей весны. Между тем я был очень сильно обрадован, когда через короткое время из Архива Академии мне была сообщена копия рукописи книги о растениях Ингерии, которую покойный Крашенинников представил незадолго до смерти».*

Здесь приведены собственные слова Гортнера из предисловия к книге «Флора Ингерии». На самом деле всё бы-

ло несколько иначе. Сам президент Академии К.Г. Разумовский передал для доработки и подготовки к печати ему почти законченную рукопись Крашенинникова, а когда Г.-Ф. Миллер обратился к Гортнеру с просьбой вернуть рукописи, тот ответил категорическим отказом.

В 1761 году Гортнер обратился в Академию с ультимативным требованием немедленно напечатать обработанные им ботанические описания Крашенинникова, грозя в противном случае увезти все материалы в Голландию и там их опубликовать, разумеется, под своим именем.

Академическая конференция постановила передать работу Гортнера на рассмотрение и заключение академика И.Т. Кельрейтера. В материалах Канцелярии Академии наук сохранились доношения академика Миллера о предъявленном требовании Гортнера и постановление канцелярии Академии наук о напечатании его книги, а также очень обстоятельный отзыв академика Кельрейтера.

С самых первых строк этого отзыва чувствуется, что вокруг работы С.П. Крашенинникова создалась атмосфера недоверия к его авторству. Кельрейтер сразу же оговаривает свою полную беспристрастность в этом вопросе, так как он лично никогда не знал Крашенинникова и возможность судить только его работы. *«В Академии существует мнение, — писал он, — что Крашенинников не является единственным автором “Флоры Ингерии” и что до него над ней работали акад. Аман, Сигезбек и Буксбаум. Более того, говорят, что он работал над этим трудом так же мало, как и напечатанной в “Комментариях” статьёй, которую написал ему Гмелин. Я хорошо знаю, с какою тщательностью занимался Гмелин со своими учениками, но, тем не менее, я не могу присоединиться к этому мнению, позорящему первого русского ботаника. За всё моё пребывание в Академии мне не приходилось видеть ни одной рукописи названных выше учёных, трактующих эти вопросы, я искал и не находил их в академическом Архиве. Кто может сомневаться в том, что Крашенинников был в силах написать такой труд. Не сделал ли он с этой целью*

путешествие по всей Ингерманландии, собрал растения, описал их, указал местонахождение и присоединил к описанию свои наблюдения и замечания. Я утверждаю, что способ описания растений единообразен во всей рукописи. Манера Гмелина мне очень хорошо известна и совершенно отлична от этой работы. Ещё менее вероятно приписывать эту работу Сигезбеку, Амману или Буксбауму – так как их работы отличаются от крашенинниковской, как по манере, так и по употребляемым ими специальными терминами, которых нету у Крашенинникова, как у учёного новой, гмелиновской школы. Сам Гмелин почти совсем не бывал в этих местах. Можно ли, наконец, предполагать, чтобы Крашенинников проявил такую дерзость и напечатал бы под своим именем статью Гмелина».

Высказывая затем общие положения о том, каким условиям должно отвечать всякое ботаническое описание, Кельрейтер говорит, что если работа над рукописями Крашенинникова вообще требовала большого напряжения, то как раз для доктора Гортнера после его знаменитых работ «Flora Gelgo-Zutphanica» и «Elementa Botanices» этот труд был легче, чем для кого бы то ни было другого. Первым изменением, внесённым Гортнером в работу Крашенинникова, была перестановка порядка самого описания. Крашенинников со вполне основательным намерением расположил их по системе Рея. Гортнер же переделал его по линнеевской системе. «Это, – говорит Кельрейтер, – вроде моды на платье. Мне думается, что д-р Гортнер не может ставить себе эту работу в особую заслугу. Моё мнение, что если она этим изменением не была ухудшена, то и не получила никакого улучшения».

В дальнейшем Кельрейтер сравнивает представленную Гортнером работу с рукописью покойного Крашенинникова и находит, что сделанные первым добавления очень мало существенны. Он перечисляет их в специальном приложении к «Флоре Ингерии».

В заключение он предлагает отправить ещё раз какого-нибудь ботаника для исследования Ингерманландии и до-

полнения ботанических списков Крашенинникова. Однако, как уже указывалось выше, Канцелярия Академии дала распоряжение о скорейшем напечатании трудов Гортнера.

В предисловии Гортнер вынужден был дать высокую оценку работе Крашенинникова. Упомянув предшественников Крашенинникова по изучению петербургской флоры, он отметил сравнительную случайность их занятий ботаникой, подчеркивает, что Крашенинников специально и «более обстоятельно объездил Ингерию, встретившиеся ему растения усерднейше исследовал, расположил по методу Ройена, в которой Гмелином был воспитан, добавил многим местные названия; растения, не замеченные предшественниками или мало известные, прилежно описал и учёными наблюдениями украсил». Гортнер сумел сделать рукопись Крашенинникова читабельной и довёл её до европейского уровня.

С легкой руки Крашенинникова флора окрестностей Санкт-Петербурга стала критерием оценки готовности ботаников к их научным подвигам. Вслед за Крашенинниковым флору этих мест изучал Эрик Лаксман, а затем Н.С. Турчанинов. И эта ниточка вьётся и вьётся, касаясь судеб многих великолепных российских ботаников вплоть до настоящего времени. И как знать, не является ли продолжением этой работы недавно закончившееся издание «Флоры Северо-Запада европейской части России», выполненное одним из крупнейших ботаников прошлого и нынешнего столетия Н.Н. Цвелёвым.

Степан Крашенинников – второй после Ломоносова природный русский академик. Вне всякого сомнения, он был очень талантливым человеком, которому выпало работать в сложное время, когда в Академии царило засилье иностранцев. Не раз ему приходилось противостоять спянной немецкой команде, защищая от посягательств свои труды. Но даже и в этих условиях он прославляет разум. В своем первом академическом докладе «О пользе наук и художеств» на Академическом собрании в 1750 году он гово-

рит: «Блаженство и бедность рода человеческого единственно зависят от разности и просвещения разума. Сколько кто может постигать истину, столько приближается к сущему своему благополучию».

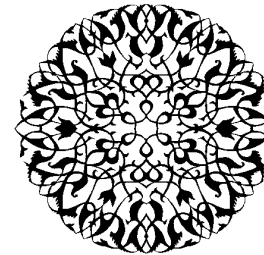
Личного благополучия С.П. Крашенинников так и не достиг и умер он, если не в нищете, то в крайней бедности. Горько читать монолог одной из пьес А.П. Сумарокова, в котором угадывается судьба семьи Крашенинникова: «А честного человека дети пришли милость просить, которых отец ездил до Китайчетова царства и был в Камчатском государстве, об этом государстве написал повесть; однако сказку его читают, а детки его ходят по миру. А у дочек-то его крашенинские бастропки, да и те в заплатах, – даром то, что отец их был в Камчатском государстве и того, что они в крашенинном толкаются платье, называют их крашенинскими».

Но не оборвалась бесконечная нить арабесок. В далёкой Германии 13-летний мальчик Пётр Симон Паллас поступил в Берлинскую медико-хирургическую коллегию, чтобы через пятнадцать лет продолжить изучение растительных богатств Сибири.

Но это уже другая история.

Славное имя Степана Петровича Крашенинникова увековечено в названиях растений. Основатель Сибирской ботанической школы П.Н. Крылов описал род *Krascheninnikovia* в честь первого русского ботаника.

КРУГ ЧЕТВЁРТЫЙ

ЛИННЕЙ И ДЕМИДОВЫ

Тайна великого Линнея более 250 лет волнует умы учёных. А может, вовсе и не было никакой тайны – был просто гений. И мерить его мерками среднестатистического человека вряд ли уместно, даже спустя два с половиной столетия. Он появился в нужное время, в нужном месте и обладал всеми качествами, чтобы обеспечить развитие естественных наук для необозримого будущего.

Ботаника начала XVIII века зашла в тупик «усилиями» швейцарского биолога Иоганна Баугина. Он поставил своей целью описать все растения, известные человечеству в XVII веке, – и достиг этого, описав их около 6 тысяч. За редким исключением растения в его реестре не имели названий. Их заменяли описания, иногда точные, а иногда путанные. Опознать по ним растение было очень трудно, если не прилагался рисунок. Отсутствие единых названий частей растения – таких понятных для нас, как венчик, нектарник,